

ТЕРАПИЯ ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ

ЭДЕЛЬ ВЕЙС

18+

Эдель Вейс

Терапия южным солнцем

<https://litres.ru/74596172>

SelfPub; 2026

Аннотация

Практикующий психолог с многолетней частной практикой приезжает в курортный город с одной-единственной целью — полечить расшатанные разводом нервы и сменить обстановку. План был прост: солнце, тишина, прибой и никакого личного участия в чужих проблемах. Но судьба решила подкинуть ей подарочек в виде идеального мужского тела на соседнем шезлонге. Красив, горяч, галантен и не знает ни слова по-русски. Что ж, подарочек мы примем! Но разве бывает так, чтобы подарки судьбы прилетали прямо в руки без сопутствующих проблем? Не в этой жизни!

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Эдель Вейс

Терапия южным солнцем

Глава

Название: Терапия южным солнцем

Автор(-ы): Эдель Вейс

Ссылка: <https://author.today/work/638069>

Глава 1

Солнце выгодно освещало красивое и какое-то хищное тело прекрасного мужского экземпляра восточной внешности. С интересом разглядывая его, я даже прищурилась от чисто эстетического удовольствия. Картинка была идеальной, как со съемок черно-белой рекламы нижнего белья от Армани. Плечи, четкие кубики пресса, этот золотистый южный загар — свет падал так, будто профессиональный оператор специально подсвечивал каждый рельеф этого объекта. Природа явно расщедрилась, когда лепила это тело.

Внутри меня, пониже живота, встрепенулось и потянулось то самое чувство, которое я считала похороненным где-то между разделом имущества и бесконечными манипуляциями бывшего. Я почувствовала себя живой.

Экземпляр поймал мой прищур и белозубо улыбнулся. Но вместо банального словесного подката, от которого меня, как психолога с внушительной частной практикой, потянуло бы в сарказм, он сыграл чисто на невербалике. Уверенно, но без капли наглости красавчик подошел ближе, остановился у соседнего пустого шезлонга и вопросительно приподнял брови. Слегка наклонив голову, он показал открытой ладонью на кресло, без единого слова спрашивая глазами: «Можно?»

Мой внутренний аналитик, привыкший сканировать клиентов по микромимике, одобрительно хмыкнул. Парень иде-

ально держал дистанцию, не нарушая границ, но закидывая крючок. А моя внутренняя женщина в этот момент просто заставила меня чуть заметно кивнуть в ответ. Какая, к чёрту, аналитика. Мне не нужен был его анамнез. Мне нужен был этот великолепный пресс и не только... Как минимум на пару ночей!

Он плавно опустился на шезлонг, повернул ко мне лицо, и в его темных глазах промелькнул тот самый горячий азарт, который невозможно подделать. Разговаривать по-прежнему не хотелось. Слишком хорош был негромкий шелест набегających волн.

Загадочный красавчик тоже не спешил открывать рот. Откровенной похоти в его взгляде не было, но смотрел он на меня очень внимательно, медленно скользя глазами по лицу, плечам, ключицам. Это была обоюдная, честная игра на равных — мы оба рассматривали друг друга с откровенным эстетическим аппетитом, затянув эту паузу до максимума. Я начинала получать от этого оригинального безмолвного общения особое удовольствие. Было понятно: первый, кто заговорит, немного проиграет в этой беззвучной дуэли.

Но проиграли в итоге оба — потому что в нашу уже даже интимную, наэлектризованную тишину бесцеремонно ворвалась реальность. Точнее, моя подруга.

— Гель, а это кто? — раздался над ухом её бодрый голос.

В ту же секунду на мою разогретую солнцем кожу прицельно прилетели холодные, соленые капли с её мокрых во-

лос. Наташка, абсолютно не парясь о границах, перегнулась прямо через меня и потянулась за своей пляжной сумкой, лежащей в изголовье моего шезлонга.

Я тяжело вздохнула и демонстративно закатила глаза. В этом она вся. Ну неужели, блин, нельзя было просто обойти шезлонг с другой стороны? Но правила приличия и траектории движения в картину мира Натали — как я именovala её со всей возможной долей цинизма и издевки в моменты особого бешенства — вшивались с большим трудом.

Пока я вытирала плечо и думала, что именно ответить по-друге, декорации вокруг нас сменились с калейдоскопической быстротой. К шезлонгу моего восточного Аполлона подошли двое мужчин, явно составлявших с ним одну компанию.

Мой внутренний эстет тут же брезгливо поморщился. Первый был откровенным качком из серии «чересчур» — гора гипертрофированных, пересушенных мышц, которые казались пластиковыми. Такие перекачанные мужчины мне не нравились никогда, от них веяло нарциссизмом и тяжелой неповоротливостью. Мой вариант — это эстетика подтянутого, рельефного тела, тип бойца, спортсмена, человека из боевых искусств, где каждый мускул функционален и готов к моментальному взрыву. Как у моего молчаливого соседа.

А вот второй прибывший заставил мой внутренний радар мгновенно включиться на полную мощность. Грузный, где-то примерно чуток за пятьдесят, в легкомысленных пляжных

шортах, которые никак не вязались с его лицом. У него был невероятно цепкий, умный и сканирующий взгляд человека, который привык отдавать приказы и видеть людей насквозь. Он мазнул по мне глазами, и внутри у меня сработал соматический маркер — этот тип здесь главный, а двое этих молодцов — всего лишь его сопровождение.

— Гель, а это кто? — Наташа наконец выпрямилась, победно прижимая к себе сумку.

— Это мой новый немой друг, Натали, — отозвалась я, даже не поворачивая к ней головы. — Мы как раз обсуждали с ним глобальное потепление. Молча.

Я ожидала от подруги ответного сарказма, но вместо неё подал голос один из прибывших. Тот самый перекачанный мачо из серии «чересчур» вдруг широко и открыто улыбнулся и выдал на неплохом русском языке:

— Милые девушки, не обижайте парня! Мой друг — местный Антонио Бандерас. Но он, к сожалению, совершенно не говорит на русском. Прилетел сюда буквально неделю назад и пока не успел обзавестись годным к диалогу словарем.

Сказано это было весело, с обезоруживающей пляжной легкостью и явным расчетом на быстрый контакт. Главный босс при этих словах даже не улыбнулся — его цепкий взгляд продолжал монотонно сканировать меня и Наташу, фиксируя каждую деталь.

Качок тем временем повернулся к моему молчаливому

соседу и быстро бросил ему короткую фразу на турецком. Мой «Бандерас» весело рассмеялся, в очередной раз продемонстрировав шикарный белый оскал идеальных зубов. Он что-то бегло ответил другу на своем языке, а затем — совершенно открыто и без капли смущения — выразительно кивнул в мою сторону.

Мой внутренний радар зафиксировал: парень не просто соглашался с шуткой друга. В его кивке и интонации было что-то вроде: «Да, эта женщина мне интересна, и я принимаю вызов».

Я окинула «Бандераса» еще одним долгим, заинтересованным взглядом, на который он тут же ответил своей фирменной белозубой улыбкой.

— И как же зовут нашего местного Антонио? — спросила я на английском, посмотрев парню в глаза.

Тот лишь вопросительно приподнял брови, плечами показав, что международный язык для него — такой же белый шум, как и русский и перевел взор на своего, очевидно, друга.

— К сожалению, английского он не знает тоже, — охотно отозвался качок, сделав шаг ближе к моему шезлонгу. — Но я не вижу в этом особой проблемы, красавица. И всегда готов поработать для вас личным переводчиком. Абсолютно бесплатно.

Я задумчиво замолчала, продолжая с удовольствием разглядывать Аполлона. В голове цинично прокрутилась корот-

кая мысль: в некоторых делах посредники абсолютно ни к чему. Скорее даже вредны.

И тут случилось странное. Молчавший всё это время толстяк вдруг едва заметно кивнул, словно внутри его черепной коробки только что сошлись все элементы какого-то сложного уравнения. Тяжелый, сканирующий взгляд на секунду потеплел, и он обратился к нам с Наташей. Голос у него оказался глубоким, бархатным и пугающе уверенным:

— Очаровательные девушки, позвольте пригласить вас сегодня вечером в мой ресторан. Он называется «Босфор» и находится тут неподалеку, прямо на побережье, — он властно махнул холеной рукой куда-то в сторону центральной набережной, обозначая свое присутствие на этой территории. — Обещаю лучшую турецкую кухню и полную безопасность.

Слегка прикоснувшись плечом к бедру уже восторженной Наташки, тем самым удерживая её рот на замке, я ответила сама:

— Ваше предложение довольно интересно. Всегда хотелось попробовать что-то оригинальное и необычное.

И посмотрела мужчине прямо в глаза. Точнее — в ту самую точку на переносице, которая создает эффект пронзительного и абсолютно уверенного взгляда. Зачем я это сделала? Да из чистого профессионального автоматизма. Этот холеный хозяин жизни явно привык, что одинокие бабы на пляже тают от приглашения в «элитный ресторан». Мне нужно было сразу, без лишних слов, обрубить его возможные

иллюзии. Я не собиралась становиться его добычей или развлекать его стареющее эго. Моя цель на этот отпуск определилась и была кристально чистой: пара горячих ночей вот с этим великолепным, молчаливым прессом на соседнем шезлонге. А главный босс с его «Босфором» в моем плане шел исключительно как бесплатное приложение — безопасное место для старта и сытный ужин для Наташки.

Мой взгляд сработал как холодный душ. Толстяк даже слегка покачулся назад, словно наткнулся на стену. Маска снисходительного благодетеля с него сползла, а в глазах зажегся неподдельный интерес — он понял, что нахрапом меня не взять. Ну надо же, с досадой подумала я, достигнутый эффект оказался прямо противоположным желаемому. Он, оказывается, охотник в душе, а не просто бизнесмен.

— Отлично, — тем временем глубоким голосом произнес он, быстро возвращая себе самообладание. — Сегодня. Восемь вечера. Столик на террасе у самой воды будет ждать вас. Заодно и познакомимся... поближе.

Оставив за собой это последнее, многозначительное слово, он развернулся и неторопливо пошел прочь по гальке. Качок подмигнул Наташке и двинулся следом за ним.

А мой восточный Аполлон чуть задержался. Он перевел взгляд с уходящего босса на меня, его белозубая улыбка сменилась очень внимательным, заинтригованным прищуром. Он уважительно кивнул мне, будто зафиксировал мою маленькую ментальную победу над его начальником, и пошел

догонять компанию.

Подруга рядом со мной наконец прерывисто выдохнула, выпуская воздух из легких:

— Геля, блин! Ты видела, как этот пухляш на тебя залип? Мы идем в лучший рестик побережья на халяву!

— Мы идем туда ужинать, Натали, — лениво отозвалась я, устраиваясь поудобнее на шезлонге и закрывая глаза под монотонный прибой. — Ты будешь наслаждаться их прекрасной турецкой кухней, а я буду присматриваться, как технично и без лишних свидетелей забрать к себе в номер тот молчаливый идеальный пресс. Всё, не шуми, дай волны послушать.

Глава 2

Выходя из душа, я мечтала лишь об одном — доползти наконец до кровати и полежать хотя бы полчаса. Но Наташка, отвоевавшая ванную первой, уже крутилась вокруг меня с запыхавшимися, чуток истеричными возгласами: «Что надеть в пафосный ресторан?!»

Осторожно обогнув её, я таки добралась до своего койко-места и с блаженным вздохом вытянулась на бежевом покрывале. Закрыв глаза, я молчала, не в силах разговаривать и даже думать.

Но Натали не собиралась сдаваться и замолкать. Она потрясала руками, взывала к моей совести и патетично требовала прекратить это бессовестное валяние. Я всё таки приоткрыла один глаз. Обрадовавшись своей тактической победе, подруга сразу усилила словесную бомбардировку.

И это после всего того, что она уже устроила мне сегодня на пляже! Один только заезд на огромном надувном «банане» чего стоил... Эти её идеи активного отдыха. Резкие, сумасшедшие повороты, холодные брызги, которые на скорости словно мелкие камни бомбардируют всё тело — о, это оказалась та ещё пытка. Да еще и постоянная боязнь слететь в море под громкий хохот удержавшихся, от чего я так крепко сжимала руки на скользкой ручке, что аж пальцы до сих пор сводит.

Единственное удовольствие во всей этой аванюре я получила, когда очень далеко от берега, в чистом и по-настоящему глубоком море, нам наконец разрешили соскользнуть с этого пыточного снаряда. Вот там, просто наслаждаясь плаванием в прекрасной, сочной и прохладной глубине, я выдохнула. Ощущения были великолепные. Но теперь за этот недолгий кайф моё тело требовало расплаты в виде тридцати минут абсолютного анабиоза.

— Геля! Ну ты издеваешься? Восемь вечера уже скоро! — Наташка затрясла перед моим носом каким-то леопардовым недоразумением на вешалке.

— Что это? — еле слышно пробормотала я, открывая второй глаз и уже прицельно рассматривая характерно пятнистого раскраса тряпку. — Бабушкино наследие?

— А что? Очень даже хищно. И весьма сексуально! — Натали явно готова была защищать свой выбор любой ценой. Я печально вздохнула и села на кровати.

— Не придумывай, умоляю. Мы же не на дискотеку идем, — пыталась я воззвать к голосу её разума, искренне надеясь, что этот самый разум наконец услышит меня, и мы вместе одолеем мою, решившую пуститься во все тяжкие, подругу.

А судя по тому, что эта леопардовая тряпочка была не сильно больше носового платка и, вроде как, просвечивала... Короче, ну вообще не вариант для дорогого ресторана на побережье.

— Простота, моя дорогая хищница, — застонала я, поти-

рая виски. — Дорого — не значит блестяще и вызывающе. Однотонное платье или костюм, тонкая цепочка, пара колец. Если тебе так сильно хочется «дорого-богато», то надень еще браслет. Элегантно и просто — вот наш стиль. Думай!

И я откинулась обратно на подушку, зная, что следующие минут пятнадцать подруга будет надежно нейтрализована перебором своих бесконечных вещей, коих с собой она привезла аж четыре чемодана. И мысленно хихикнула про себя, вспоминая охреневший взгляд носильщика и пыхтение проводника, помогавшего выгружать всю эту немыслимую роскошь из вагона на перрон. А потом просто провалилась в темноту. Кажется, отрубилась для мира окончательно.

В сгущающихся сумерках ресторан «Босфор» выглядел потрясающе. Огромная стеклянная стена, в которую были вмонтированы окна и тяжелые прозрачные двери, вела на просторную террасу. Справа прямо в эту стеклянную конструкцию была встроена барная стойка из благородного тёмного дерева. Задумка была гениальной: бармен работал внутри помещения, в прохладе кондиционеров, а гости сидели на улице, на расставленных вдоль стойки ярко-красных барных стульях, наслаждаясь морским бризом.

Вид, конечно, шикарный. Снаружи царила расслабленная атмосфера стильного пляжного отдыха — от барных стульев можно было буквально за минуту дойти и нырнуть в море. Но стоило переступить порог, как ты оказывался внутри дорогого, статусного ресторана с аккуратными прямоугольни-

ми столиками и деревянными стульями, полностью повторяющими обивку того же сочного красного цвета. По стеклянной стене изнутри густо вились зеленые растения. Они работали как естественная живая ширма, закрывая столики у самого окна от посторонних глаз с набережной, но оставляя гостям возможность беспрепятственно видеть море.

Да, здесь пахло не только восточными специями и вкусной едой... Запах дорогого парфюма, больших денег и шлейф негласной власти буквально висели в прохладном воздухе зала. Владельцы этого заведения явно не считали копейки — они ворочали миллионами, и этот ресторан был лишь красивой витриной для чего-то гораздо более масштабного.

Но это меня абсолютно не касается — тут же одернула я себя мысленно. Мои цели на этот отпуск просты и ясны, и они никак не связаны с этим местом. Ну, по крайней мере, я на это искренне надеюсь.

И тут к нам подошел тот самый качок с пляжа. На его голове забавно смотрелась круглая шапка с кисточкой, тоже сочного красного цвета — видимо, дань уважения турецкому колориту заведения. Белоснежная футболка выгодно обтягивала его перекачанный торс, а короткие рукава выставляли на всеобщее обозрение огромные бицепсы. При виде этого рельефного великолепия Наташка рядом со мной сразу задышала чуть интенсивнее, мгновенно позабыв про все мои лекции о банальной осторожности и сдержанности.

Парень радостно улыбнулся и наконец представился:

— Девушки, рад, что приняли приглашение! Меня зовут Марко. Ваш столик уже ждёт вас.

Он снова обезоруживающе широко улыбнулся и сделал приглашающий жест рукой в сторону открытой террасы.

— А меня — Наташа! — подруга, окончательно осмелев, сделала шаг из-за моей спины.

Она встала прямо под свет светильника над дверью, который очень выгодно подсветил её ракурс. Мой совет сработал на все сто: небесно-голубой брючный костюм потрясающе сочетался с её блондом и ярко-синими большими глазами. Никакого полупрозрачного леопарда — однотонная, благородная гамма, перед которой упал бы любой качок.

Марко и правда был очарован. Слегка склонив голову в галантном поклоне, он предложил ей свою руку, а Наташка моментально в неё вцепилась. И уверенно повёл её куда-то в глубь террасы, а я обалдело осталась стоять у входа и смотреть им вслед.

«Ну ничего себе, — промелькнула в голове ехидная мысль. — Они вообще про меня забыли?!» Подруга года, не иначе. Стоило поманить рельефным трицепсом, и всё — боевой товарищ брошен на произвол судьбы в логове подозрительных миллионеров.

И тут из тени террасы вышел он. Мой молчаливый, пока ещё безымянный Антонио. Белая, расстегнутая на пару пуговиц рубашка, идеально сидящие темные брюки — всё просто, стильно и чертовски красиво. Я замерла, поймав мимо-

летное ощущение дежавю: мы выглядели так, словно заранее договорились одеться в одном стиле. Моё короткое белое платье-футляр с открытыми плечами и его безупречная классическая простота совпали настолько, что мы смотрелись как пара с обложки глянцевого журнала.

Он тепло и сдержанно улыбнулся. Так же молча, не предлагая руки, но и не отступая от меня ни на шаг, он приглашающе кивнул в сторону террасы. Мы шли вровень, держась плечом к плечу, и послушно следовали за уплывшими вперед Марко и Натали. Между нами не было произнесено ни единого слова, но воздух в эту минуту словно наэлектризовался до предела. Каждое движение, шорох ткани и синхронный шаг в этом южном полумраке отзывались внутри каким-то первобытным азартом. Контроль же тихонько сползал куда-то на дно подсознания, уступая место чистой физиологии.

Босс на террасе пока не появился. Видимо, богатенький ресторатор любил эффектные паузы и не спешил выкатывать свою тяжелую фигуру на сцену раньше времени. Марко уверенно довел нас до столика у самой воды, откуда открывался чудесный, завораживающий вид на темное море и галечный, уже почти пустой вечерний пляж.

Мой Бандерас плавно шагнул вперед, мягко отодвинул для меня стул, помогая разместиться со всем возможным комфортом, и только после этого аккуратно сел сам, устроившись напротив. В его движениях не было ни капли суеты

— только спокойное мужское достоинство.

Рядом с нашим столиком тут же, словно из воздуха, возникла смуглая официантка в строгой темной форме и бесшумно раздала массивные папки меню. Марко, не теряя времени, галантно наклонился к Натали и белозубо ухмыльнулся:

— Наташа, выбирай всё, что твоя душа пожелает! Наш шеф сегодня превзойдет сам себя.

Наташка с энтузиазмом зашуршала страницами, а я, перевернув карту блюд с незнакомыми названиями, подняла глаза на Марко и спокойно произнесла:

— Я не особо разбираюсь в турецкой кухне. Точнее, вот совсем не разбираюсь. Ибо в Турции, как ни странно, ни разу в жизни не была — в отличие от, наверное, практически всех своих соотечественников. Я всегда предпочитала старую добрую Европу. Париж, Мангейм, Амстердам... Так что все эти названия для меня — китайская грамота.

Услышав знакомые европейские топонимы, мой молчаливый красавец напротив вдруг едва заметно улыбнулся, будто считал мой культурный бэкграунд без всякого перевода. Он мягко забрал у меня из рук папку меню, закрыл её и уверенно отложил в сторону. Затем повернулся к застывшей рядом смуглой официантке и быстро произнес несколько слов на турецком.

Закончив говорить, он снова перевел свой взор на меня, хитро и в то же время очень тепло, ободряюще прищурился.

А потом повернулся к Марко и что-то ему сказал.

— Мой друг говорит, что взял это на себя, — тут же поспешил перевести Марко, прервав свой флирт с Натали. — Он сделал заказ для вас обоих и очень надеется, что вы по достоинству оцените выбранное им блюдо. Это, так сказать, визитная карточка нашего шефа.

Я ответила «Антонио» легким кивком, принимая правила игры. Невербальный поединок становился всё более интригующим. Посредники нам действительно были не нужны.

Однако... Уже просто неприлично становилось то, что этот парень так и не назвал мне своё настоящее имя. И, что ещё интереснее, даже не спросил моё! Нас разделял всего лишь прямоугольный стол, шелест набегающих волн и глупая пляжная кличка, которую ему на ходу прилепил перекачанный Марко. Интрига закручивалась с удивительной, пугающей силой, и этот бессловесный турецкий Аполлон явно вёл в нашей беззвучной дуэли.

Но додумать эту мысль мне не дали. Из глубины зала на террасу вышел третий персонаж — явно тот самый шеф-повар, о котором минуту назад говорил Марко. Мужчина в белоснежном кителе с красной отделкой лично нес на изящном подносе два огромных бокала, наполненных чем-то сочным, оранжево-желтым, украшенных крошечными коктейльными зонтиками и дольками апельсина.

Он широко улыбнулся, вежливо поздоровался с нами и, аккуратно расставив бокалы на столе, произнес с восточным

акцентом:

— Рад приветствовать вас в нашем «Босфоре», очаровательные дамы! Это мой личный фирменный коктейль из сока свежих, только что выжатых южных фруктов. Специальный комплимент для особенных гостей от заведения.

Наташка тут же отвлеклась от Марко и непререкаемым тоном отрезала, что мы вообще-то не пьем алкоголь, на что шеф-повар заговорщицки подмигнул ей и уверенно ответил:

— Никакого алкоголя, прекрасная гостья! Только свежий, натуральный сок нескольких секретных фруктов, колотый лёд и... собственно, всё.

Он галантно приложил руку к сердцу, пожелал нам хорошего и незабываемого вечера, после чего бесшумно развернулся и ушел обратно на кухню.

Наташка с блаженным вздохом потянулась к своему оранжево-желтому бокалу с зонтиком, а мой молчаливый Аполлон снова прищурился, не сводя с меня глаз. Внутри меня всё вибрировало от этого взгляда, а первобытные инстинкты, запертые годами лжи, требовали немедленного продолжения. Эротическое напряжение между нами росло с каждой секундой, и эта южная ночь, кажется, обещала стать по-настоящему жаркой.

Ровно в эту секунду на террасе показался толстяк.

Он бесшумно вынырнул из густой тени выющихся растений, словно всё это время стоял там и наблюдал за нашей наэлектризованной сценой со стороны. Маска благодетеля сно-

ва была натянута на его холеное лицо, а цепкий взгляд пятидесятилетнего мужчины бесцеремонно вклинился между мной и моим (уже моим!) турком. Кукловод соизволил выйти на сцену и обломать нам весь кайф. Игра началась.

Глава 3

Дождавшись, когда наши глаза зафиксировались на нем, он радушно улыбнулся и продолжил наступление. Маска гостеприимного хозяина сидела на его холеном лице как влитая, но я четко понимала истинный мотив этого внезапного визита. Мужская физиология — штука примитивная, какими бы баснословными суммами ты ни ворочал. Толстяк банально меня возжелал. В его цепком взгляде, скользнувшем по моим открытым плечам, горел вполне однозначный инстинкт самца, решившего заполучить именно этот трофей.

Но напролом такие люди не действуют — слишком много эго. Его планом явно была красивая, статусная осада. Он же обещал там, на пляже, что мы познакомимся поближе. Вот и пришел исполнять.

— Добрый вечер всем, — глубокий, бархатный голос толстяка идеально вписался в шум прибоя. Он вальяжно подошел к столику, но садиться не спешил, удерживая доминантную позицию сверху. — Вижу, мой шеф-повар уже успел угостить вас своим фирменным напитком. Марко, почему наши гости до сих пор без вина? Принеси то коллекционное, из моих личных запасов.

Марко мгновенно подобрался, растеряв всю свою веселость, и сделал знак официанту, но тут в спектакль босса бесцеремонно прилетел протестующий вопль Натали.

— Никакого вина! — Наташка патетично замахала руками, чуть не задев свой оранжевый коктейль с зонтиком. — Мы алкоголь не пьем! Вот совершенно, непреклонно и принципиально! Эти коктейли от вашего шеф-повара просто отпад, так что никакого спиртного на этом столе, пожалуйста!

Марко застыл с открытым ртом, глядя на своего босса. Толстяк тоже завис, явно не привыкший, что его щедрые жесты так бесцеремонно режут на взлете. Его холеное лицо на миг потяжелело, но он быстро вернул себе маску благодетеля и снисходительно рассмеялся, переведя взгляд на Натали:

— Какая редкая и похвальная непреклонность в наши дни. Что ж, Марко, отставить вино. Раз девушки желают оставаться трезвыми, мы подчиняемся и не спорим. Разрешите присесть? Меня зовут Хакан-бей. Для вас — просто Хакан. Как и обещал — пришел знакомиться поближе.

Не дожидаясь ответа, Хакан опустил на свободный стул рядом со мной, во главе стола. Мой молчаливый турецкий Бандерас при этом едва заметно напрягся. Его взгляд стал холоднее, а плечи под белой рубашкой жестко распрямились. Было видно, что присутствие этого человека давит на него физически.

Хакан, впрочем, вел себя ровно и спокойно. Он не устраивал демонстративных сцен, просто общался с высоты своего статуса, воспринимая молодого красавца как должное — послушного исполнителя, который знает свое место.

А вот сам «Антонио» в эту секунду переживал настоящую

внутреннюю бурю. Его покорно опущенный взгляд и побелевшие костяшки пальцев, сжавшие на мгновение ручку стула, выдавали глухой, яростный протест. Я тут же зафиксировала это изменение: парень не просто робел перед боссом. Ему явно чертовски не нравилось, что этот сильный, богатый мужчина бесцеремонно влез в нашу наэлектризованную автономию. Он видел в Хакане сокрушительного конкурента, с которым не имел ни единого шанса помериться силами, и этот животный мужской инстинкт потерять раскаленную нить между нами буквально сжигал его изнутри.

Хакан тем временем снова перевел свой пронизывающий взгляд на меня, расслабленно откинувшись на спинку стула:

— Ну так что... Я думаю, мне можно услышать ваши имена? Раз уж мы сидим за одним столом в моем заведении.

Я мгновенно оценила диспозицию. Прямое противостояние или холодная пикировка с человеком такого масштаба и психотипа — тактика проигрышная и глупая. Альфа-самцы, не имеющие абсолютно никаких финансовых трудностей, на подсознательном уровне ищут повод для доминирования. Значит, мы пойдем другим путем. Внутренний психолог тут же подсказал нужный инструмент: мягкая, техничная подстройка. Я расслаблю его эго, усыплю бдительность искренним восхищением, а свою партию поведу исподволь, заставляя его подчиняться моим правилам игры под видом его собственного триумфа. Надеюсь, в этот раз сработает как надо.

— Меня зовут Ангелина, а это моя подруга Наташа, —

я тепло, открыто улыбнулась Хакану, полностью убирая из взгляда давешний пляжный вызов. — И должна признать-ся, Хакан, ваш «Босфор» — это лучшее, что случилось с нами здесь. Вид на море отсюда открывается просто потрясающий, а интерьер... Эта стеклянная стена с вьющейся зеленью и сквозной барной стойкой — абсолютный дизайнерский шедевр. У вас безупречный вкус, здесь чувствуешь себя как на дорогом европейском курорте.

Наташка, уже успевшая ополовинить свой оранжевый коктейль, согласно и очень интенсивно закивала головой, подтверждая мои слова.

Мой комплимент попал точно в цель. Тяжелый взгляд Хакана заметно потеплел, а холеное лицо расплылось в довольной улыбке мужчины, чье детище только что оценили по высшему разряду. Он защурился и заулыбался, словно огромный мартовский кот, добравшийся до миски со свежей сметаной. Мужское тщеславие, подкрепленное баснословными деньгами, всегда работает одинаково предсказуемо. Моя наживка была заглочена.

Краем глаза я уловила, как мой молчаливый «Антонио» поднял на меня глаза. В его темном прищуре промелькнуло сложное, смешанное чувство — ревность от того, как легко я переключилась на Хакана, и одновременное восхищение тем, как технично я управляю настроением всесильного босса.

Хакан величаво поправил манжеты своей дорогой тем-

но-синей рубашки, купаясь в моем признании его достоинств и безупречного вкуса. Он явно посчитал, что я окончательно «поплыла» от его статуса и роскоши «Босфора».

Пока хозяин наслаждался своим триумфом, мой турок продолжал напряженно прислушиваться к нашей речи. Было видно, с каким трудом ему дается это вынужденное безмолвие. Он не понимал ни слова из нашего диалога, но его инстинкты орали об опасности. Пока он сидел на стуле напротив меня и беспомощно хлопал глазами из-за языкового барьера, его всесильный босс легко перехватил инициативу. А объект его вождения — то есть я — вроде как с легкостью велась на эти ухаживания, общаясь с Хаканом абсолютно ровно, с подчеркнутым уважением и искренним восхищением его рестораном.

Однако долго смаковать победу «мартовскому коту» не пришлось. К нашему столику бесшумно скользнула давешняя смуглая официантка. Наклонившись к Хакану, она что-то быстро и тихо зашептала ему прямо на ухо по-турецки.

Я прицельно зафиксировала выражение лица хозяина «Босфора»: маска благодетеля слетела с него как только официантка замолчала. В глазах Хакана промелькнуло жесткое, холодное беспокойство, а холеные пальцы нервно дернулись. Явно случилось что-то экстраординарное.

Быстро вернув лицу относительное спокойствие, Хакан поднялся со стула и с притворным сожалением развел руками:

— Очаровательная Ангелина, Наталья... Простите великодушно, но дела бизнеса требуют моего немедленного присутствия и я вынужден прямо сейчас покинуть вашу теплую компанию.

Он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза — на этот раз без уловок, открыто и весомо:

— Но с сегодняшнего вечера вы обе — желанные гости в «Босфоре». Я искренне надеюсь, что теперь каждый вечер смогу видеть вас за ужином. Марко! Этот столик отныне закреплен исключительно за Ангелиной и Натальей. В любое время дня и ночи, оно всегда свободно для них. Желаю вам приятного вечера, девушки, еще увидимся.

Оставив за собой это весомое обещание, Хакан коротко, властно кивнул Марко и моему Апполону и сделал рукой жест, показывающий, что они могут остаться, после чего быстрым шагом направился вглубь зала.

Его тяжелая фигура растворилась в зале ресторана, и атмосфера за нашим столиком, оказавшаяся, как выяснилось, весьма наэлектризованной и напряженной, сразу же стала гораздо расслабленнее и спокойнее. Давление авторитета испарилось вместе с хозяином.

Мой турок тихо, но облегченно выдохнул, словно с его плеч только что сбросили бетонную плиту. Он не стал терять ни секунды. Уверенно и без лишних церемоний пересел ко мне ближе — прямо в изголовье стола, демонстративно заняв то самое вакантное место, на котором только что воссе-

дал его всесильный босс.

Этот инстинктивный мужской демарш меня нереально позабавил. Ни минуту не расслабляющийся мозг психолога понимающе ухмыльнулся: парень всеми силами пытался компенсировать свою давешнюю беспомощность перед работодателем и торопился показать, кто теперь на этой территории главный мужчина. По крайней мере, в эту южную ночь. Я повернула к нему голову, с интересом ожидая, какой невербальный фокус мой красивый турецкий Аполлон выкинет дальше на правах нового хозяина стола.

Долго ждать не пришлось. Едва Хакан успел скрыться в стеклянных дверях зала, как перед нами, словно по команде, материализовались официанты с подносами. Заказ, который мой Бандерас сделал втайне от меня, прибыл.

Мои вкусовые рецепторы мгновенно отозвались на умопомрачительные ароматы турецких специй. Передо мной опустилось блюдо с лахмаджуном — традиционной, пышущей жаром тончайшей лепешкой, щедро покрытой сочным, пряным мясным фаршем. К ней прилагалась внушительная гора свежей зелени, дольки лимона и аккуратные, хрустящие колечки маринованного лука.

Я же уставилась на свое блюдо, смутно представляя, как подступиться к этой конструкции в столь пафосном ресторане. Мой молчаливый сосед, заметив мой озадаченный взгляд, снова ободряюще улыбнулся. В его движениях появилась удивительная, мягкая уверенность. Он бережно взял

четвертинку лепешки с моей тарелки, отточенным движением выжал на нее сок из дольки лимона, бросил сверху несколько стеблей свежей петрушки и ловко свернул всё это в плотный, аккуратный рулет.

И протянул этот сочный, хрустящий сверток мне прямо в руки, беззвучно показывая: ешь так, забудь про вилки.

Наташка в этот момент аж подпрыгнула на стуле от восторга: перед ней поставили огромную тарелку, где на тонком лаваше исходил соком, пахнувший ароматным древесным дымком шашлык из нежнейшей баранины в окружении запеченных на гриле овощей. Подруга тут же вооружилась вилкой, но овощи брезгливо отодвинула в сторону, откинув их в отдельную тарелку и двигая ко мне:

— Гель, забери эту траву, ты же обожаешь вот это вот запеченное всякое, а мне только мясо, исключительно мясо!

— Договорились, — хмыкнула я. — А взамен держи мою свежую зелень. И на, попробуй кусочек, это нереально вкусно.

Я отломил ей щедрый кусок пышущего жаром лахмаджуна. Наташка без задней мысли отправила его в рот, прожевала... и в следующую секунду большие синие глаза Натали стали еще больше, а сама она смешно заверещала на всю террасу, судорожно хватаясь за свой оранжевый коктейль с зонтиком:

— А-а-а, Гелька! Он же острый! У меня во рту пожар! Марко, спасай, твоя кухня пытается меня сжечь!

Марко оглушительно захохотал, оценив масштаб её паники, тут же наливая в пустой бокал воду из своей бутылки и поднося этот бокал прямо к её рту, а потом принялся быстро, со смехом переводить ситуацию моему соседу. Тот, слушая перевод друга, сначала широко улыбнулся, а потом и сам весело, заразительно рассмеялся вместе со всеми, окончательно растеряв давешнюю хмурую покорность. Его шикарный белый оскал в огнях террасы выглядел чертовски притягательно.

Я же, совершенно не боясь специй, с полным восторгом откусила еще один кусок. Пикантная, обжигающая острота мяса идеально гармонировала с прохладным лимонным соком. Атмосфера за столом моментально стала легкой, шумной и по-настоящему душевной. Мы дурачились, обменивались тарелками, шутили, и даже мой молчаливый Бандерас, ловя переводы Марко, теперь чувствовал себя частью нашей веселой компании.

Глава 4

— Пожар! — женский голос донесся издалека, глухо и смазанно, но я его услышала.

Уперевшись рукой в рельефную, блестящую от пота грудь, которая нависала прямо надо мной в темноте номера, я замерла и прислушалась. Сердце, только что бешено колотившееся от совсем других эмоций, пропустило удар.

— Пожар! — крик повторился снова. Теперь гораздо громче, явственнее и с откровенной паникой.

Иллюзия безопасного курортного рая разлетелась в щепки за долю секунды. Я уже уверенно оттолкнула от себя мужчину, осторожно выскользнула из-под него и бросилась к своим вещам, раскиданным в порыве страсти прямо на полу. Времени на сантименты и красивую невербалику больше не было — инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем мозг успел осознать масштаб катастрофы.

Трусики, платье, сумочка... Телефон полетел внутрь одним точным броском. Резко повернулась к смотрящему на меня с полным недоумением и даже обидой красавцу. Наш прерванный на самом интересном месте полет явно задел его мужское самолюбие. Я яростно замахала руками и жестами приказала ему: «Одевайся! Срочно! И быстро!»

Он всё понял сразу. Пружинисто вскочил с кровати... Господи, какой же он всё-таки потрясающий. Каждое движение

как у дикого кошачьего хищника. И как всё это не вовремя! — промелькнула и тут же скрылась на дне подсознания досадная мысль.

Времени на любование больше не было. Я схватила босоножки в руки, прямо босиком рванула к выходу и аккуратно подтолкнула уже успевшего натянуть спортивные прямо на голое тело мужчину к двери, жестами показывая, что нам нужно срочно уходить.

Он открыл дверь, уверенно взял меня за руку и быстро повел вниз по ступенькам, четко контролируя каждый мой шаг. На первом этаже я остановилась, полностью растерявшись. Всё пространство вокруг застилал густой, плотный дым, вонявший гарью так, что у меня моментально выступили на глазах слёзы, а в горле болезненно запершило — я почувствовала, что задыхаюсь.

Внезапная паника охватила меня, но тут же была жестко погашена. Потому что не растерялся он. В этой удушливой ловушке мой восхитительный любовник мгновенно включил режим хладнокровного бойца. В его действиях не осталось ни капли давешней покорности, только уверенная мужская сила и готовность действовать.

Продолжая крепко держать меня за руку и не отпуская ни на миг, он вёл меня куда-то сквозь плотную серо-желтую завесу, и мне оставалось лишь послушно идти за ним следом, полностью отключив мозг и доверившись его инстинктам. А ещё через минуту, когда мне уже начало казаться, что я сей-

час окончательно задохнусь и останусь в этом проклятом месте навсегда, резкий, спасительный свежий воздух мощным толчком вымел из моих лёгких всю едкую горечь и я судорожно закашлялась.

Мы оказались на улице. Вокруг шумела южная ночь, ощущалась морская прохлада, а тёплый ночной асфальт под моими босыми ступнями возвращал чувство реальности.

Он остановился, на один короткий миг крепко, до хруста прижал меня к себе, давая почувствовать бешеный стук своего сердца, а затем резко отстранил. Посмотрев мне в глаза, мой Аполлон что-то быстро, отрывисто сказал на турецком и резким взмахом руки указал направление, в котором мне предлагалось немедленно ретироваться.

Что ж, спорить я не стала. Понятно, что сейчас не время для выяснения отношений. Как была, босиком, сжимая в руке босоножки, я послушно рванула в указанную сторону. Но всё же оглянулась и увидела, как мужчина стремительно бросился обратно к дверям гостиницы, распахнул их и снова бесстрашно скрылся в густом дыму.

Через пять минут я уже заходила в наш с Наташкой совместный номер в гостинице. От меня воняло гарью и дымом — противно, сильно, удушливо. Я в полной нерешительности застыла посреди коридора, оглядывая привычные стены, а потом, махнув на всё рукой, пошла прямо в душ.

Сбросив гадко воняющие вещи на пол, я включила воду. Стоя под горячими, почти обжигающими струями, я отмы-

валась от макушки до пяток, пытаясь смыть с себя этот липкий кошмар, запах гари и остатки прерванной южной страсти.

Выйдя из душа, завернутая в полотенце, я тихонько проскользнула в свою комнату и быстро переоделась в привычные удобные шорты и футболку. Мокрые волосы оставила как есть — сушить их сейчас не было ни времени, ни моральных сил.

На цыпочках я дошла по короткому коридору до комнаты Наташки. Дверь была слегка приоткрыта. Осторожно заглянув внутрь, я тихонько позвала:

— Наташ, Натаааш... Ты спишь?

Вопрос, конечно, был наиглупейший после того ада, из которого я только что вырвалась, но другого в мою перегруженную голову в этот момент как-то не пришло.

Она заворочалась под одеялом и так же тихо, недовольно ответила из темноты:

— Сплю, ясен пень! Ты чего тут бродишь? А сколько времени вообще?

— Около четырех часов, Наташ. Ты это... Вставай давай, — глухо произнесла я, прислонившись к дверному косяку. Мой голос после наглотавшегося дыма горла прозвучал сипло и чуждо.

Тут она окончательно проснулась. Шурша простынями, Наташка резко села на кровати и с нарастающим подозрением уставилась на меня через полумрак комнаты.

— Гель, ты чего в таком виде и в такое время тут? — её голос мгновенно растерял всю заспанность. — Случилось что? Ты почему мокрая?

— Кое-что произошло... — я сделала загадочную паузу, подавляя внутреннюю дрожь. — Вставай, одевайся. Выпьем кофе и пойдем встречать рассвет. Ты же сама вчера этого очень хотела, помнишь?

Тут я, не удержавшись, ехидно передразнила её вчерашний восторженный тон:

— «Ах, встретить рассвет на море — это так романтично! Приехать сюда и не увидеть восход солнца — полный отстой! Мы обязаны это сделать, Геля!»

Мои интонации попали точь-в-точь в её вчерашние патетичные заявления. Наташка ошеломленно замолчала, а потом тихонько рассмеялась, окончательно сдаваясь под натиском собственного же оружия.

— Ты сумасшедшая, Гелька, — проворчала она, сбрасывая одеяло и нащупывая ногами тапочки. — Ладно, рассвет так рассвет. Жди меня в холле, заодно кофе там в автомате купи. Я сейчас спущусь, только умоюсь и оденусь.

Невидимое пока ещё восходящее солнце причудливо золотило самые верхние краешки облаков, обещая жаркий и ясный день. Море монотонно и умиротворяюще шумело, накатывая гальку на берег. Мы с Наташкой уютно расположились в двух огромных креслах-мешках, которые кто-то предусмотрительно забыл ночью прямо на пляже, и смеялись

как ненормальные.

Точнее, у меня это была обычная, классическая истерика — так мой организм сбрасывал адреналиновый передоз от шока, удушливого дыма, босоногого кросса по асфальту и сокрушительного мужского марафона моего Аполлона.

— И тут, понимаешь, в самый разгар четвертого раза... — сквозь гомерический хохот выдавливала я из себя слова, едва не расплёскивая остывающий кофе и от избытка чувств хлопая по мокрой гальке ногами в сланцах — Ты можешь себе представить этот облом?! Пожар, епт!

Я аж рыдала от смеха, вытирая выступающие слёзы, а Наташкин звонкий смех громким эхом вторил моему на весь пустой утренний пляж. Подруга совершенно спокойно восприняла новость о том, что в гостинице, принадлежащей Хакану и в которой жили все его работники, внезапно вспыхнул пожар. Для неё это было просто забавным форс-мажором. А я сидела, утопая в кресле-мешке, и сквозь эту защитную истерику судорожно пыталась сообразить: что, чёрт возьми, на самом деле произошло в этой гостинице полтора часа назад?

— Значит, его зовут Аслан? И он племянник Хакана? — продолжила уже немного успокоившаяся Наташа, поудобнее устраиваясь в кресле-мешке.

— Да, так и есть, — задумчиво ответила я, глядя на далёкий золотистый горизонт и делая глоток из картонного стаканчика.

— А как ты это узнала? — продолжала пытливо вопро-

шать она, уставившись на меня во все свои большие синие глаза.

Я перевела взгляд с горизонта на подругу и усмехнулась.

— Переводчик, дорогая... Обычный браузерный переводчик в телефоне. Когда мы отправились гулять по набережной после ужина, а Марко повел тебя в бильярдную — показать, как он умеет мастерски загонять шары в лузу...

— Кстати, — резко оборвала я свою мысль, хитро прищурившись. — Это же был явный намёк на продолжение, а?

Я прищурилась не потому, что не знала ответа. На самом деле Натали при всей своей порывистости и романтичности рассматривала всех — вот абсолютно всех мужчин! — исключительно примеряя их на роль мужа. Единственного и неповторимого. И исключений из этого правила у неё не было. То есть вот вообще никогда.

Поэтому на её возмущённый выпад: «А то ты не знаешь, почему так, а не иначе!», я согласно качнула головой и продолжила:

— Ну и вот... я просто набрала в переводчике одну-единственную фразу-вопрос. И звучал он как...

Я сделала театральную паузу, интригуя подругу. Наташка моментально повернулась ко мне всем телом, жадно ждущая продолжения. Глаза её горели неподдельным азартом.

И я продолжила:

— И звучал он как: «Что ты делаешь сегодня ночью?»

Ты бы видела его лицо, когда он это прочитал. Ни один

мускул не дрогнул! Полное, абсолютное самообладание. Он взял из моих рук телефон, что-то быстро набрал в том же переводчике и просто протянул мне его обратно. Знаешь, что было в его ответе?

— Что??? — аж на ультразвуке запищала Натали, подавшись ко мне так сильно, что её кресло-мешок протестующе зашуршало галькой.

Я победно улыбнулась, сделала еще один глоток кофе и закончила:

— Там тоже была одна-единственная фраза. Фраза: «Всё, что пожелаешь!»

И Наташкин звонкий смех снова эхом покатился по пустому пляжу. Мы отсмеялись до колик, и, вытерев слезы, подруга всё-таки вернулась к главному:

— Ладно, а про то, что он племянник Хакана ты когда узнать успела? В процессе «всё, что пожелаешь»?!

— Именно, — уже спокойно ответила я, так же безмятежно созерцая горизонт. — В пит-стопах нашего марафона мы преспокойно общались через всё тот же переводчик. И я успела узнать о нём довольно много интересного. Ему тридцать лет, он прилетел сюда ровно неделю назад по срочному вызову своего дяди Хакана, который пообещал платить ему очень хорошие деньги. И еще кое-что... Он хочет жениться. Или ему пора жениться — я, если честно, так до конца и не поняла. Всё же эти браузерные переводчики — такое себе удовольствие, они часто перевирают либо сами слова,

либо их контекст и смысл. Но одну деталь я считала четко: жениться он хочет почему-то именно на русской девушке. И поэтому с такой готовностью принял предложение дяди прилететь сюда. Типа, решил убить одним выстрелом двух зайцев: и заработать, и судьбу свою встретить.

А тут встретил меня — и... Дальше ты знаешь. О свадьбе, разумеется, разговоров не было, но что-то мне подсказывает, что как вариант он меня рассматривает вполне... Да и делом, какой он молодец, презентовал себя на все сто. Сама знаешь, сколько раз, да и до утра времени у нас еще было вагон... Если бы не этот чертов пожар.

Я снова задумалась, откинувшись назад, глубже утопая в кресле-мешке, и устремила свой взгляд в быстро светлеющее утреннее небо.

Интересно, что же там всё-таки произошло на самом деле?

Страсть улеглась, адреналиновый туман рассеялся, и теперь мой профессиональный ум требовал ответов. Слишком много странных совпадений для одной ночи: экстренный шепот официантки в «Босфоре», поспешный уход Хакана и этот внезапный пожар в его же гостинице, где жили все работники. Случайности не случайны... Аслан ушёл обратно в удушливый дым, и где он сейчас — оставалось только гадать. Я сделала последний глоток кофе, поёжившись от прохладного утреннего ветерка, что трепал мои, еще влажные, волосы. Южное побережье подкинуло ребус, который

только предстояло решить. Да и вообще решить, стоит ли этот ребус моего внимания в целом.

Глава 5

Я проснулась только к вечеру. Мой организм, выжатый до капли ночным адреналином, прерванным марафоном и утренней пляжной истерикой, потребовал тотальной перезагрузки. Из этого блаженного небытия меня бесцеремонно выдернула Натали. Подруга со свойственной ей прямоотой и грацией танка ввалилась в мою комнату, резким движением раздвинула плотные темные шторы, впуская внутрь косые лучи заходящего солнца, и громко скомандовала:

— Подъём, соня! Хватит давить на массу, всю терапию проспишь!

Я глухо застонала, открывая глаза, и инстинктивно протянула руку к тумбочке за телефоном. Первым делом разблокировала экран, всматриваясь в пуши мессенджеров. Сообщений — ноль. Точнее, сообщения-то были, но вот конкретно от него - пустота, хотя ночью мы совершенно точно успели обменяться номерами. Внутри неприятно кольнуло, но внутренний аналитик тут же поспешил выстроить логическую защиту. Проблема ведь могла быть в том, что у Аслана номер всё ещё турецкий, роуминг, международные форматы, кривой и лагающий местный интернет... Подумав об этом, я немного успокоилась, отложила телефон, послушно сползла с кровати и поплелась в ванную приводить себя в чувство.

Когда я вернулась обратно в комнату — уже заметно взбодрившаяся после прохладного душа и ощущая явственный, здоровый голод — на тумбочке коротко завибрировал телефон. Я разблокировала экран и с любопытством вчиталась: в ватсапе высветилось сообщение от нового, незнакомого контакта.

Я быстро кликнула на диалог и прочитала ломаный перевод:

«Это номер Марко, я взял телефон у него, потому что мой почему-то не работает. Как ты? В порядке? Аслан.»

Внутри ощутимо потеплело, но профессиональный радар психолога всё же выдал тревожный импульс, зафиксировав первую странную нестыковку. Его личный телефон «почему-то» перестал работать ровно после нашей совместно проведенной ночи и того, как парень бесстрашно ушел обратно в густой дым горящей гостиницы. Случайность?

Телефон снова завибрировал. Новое сообщение с того же номера. «Мы с Марко будем ждать вас в сквере напротив вашей гостиницы в 7 вечера.»

И пока я смотрела на эти строчки, пытаюсь переварить странную смену локации — почему сквер, а не «Босфор»? — следом прилетело ещё одно уведомление. Тот же номер Марко, но текст, прогнанный через автоматический переводчик, гласил:

«Я соскучился, моя любовь»

И дурацкий красный смайлик-сердечко в конце. Я не

сдержала улыбку. Ну надо же, накрыло парня! Чувствуя, как по коже пробежала легкая волна тепла, мой внутренний психолог тут же включил режим холодного анализа. Мы провели вместе всего одну ночь и толком не разговаривали, а он уже признается в любви. Классический восточный love bombing? Или мой лев действительно потерял голову от этой сумасшедшей ночи? В любом случае, переписка шла через телефон Марко, а значит я не буду отвечать ровным счетом ничего. Время назначено и мы встретимся в любом случае, ведь у нас обоих остался незакрытый гештальт. Да-да. То самое незавершенное и прерванное пожаром. А дальше... Дальше будет видно.

Немного перекусив в ресторане на первом этаже гостиницы, под укоряющие вздохи Наташки я в который раз сказала ей, что понятия не имею, куда нас сегодня занесет, а искать приключений на голодный желудок отказываюсь наотрез.

— Ну тогда давай уже пойдем, а? — ныла она, судорожно проверяя макияж в зеркальце. — Ведь они нас ждут!

— Кто? — подколола я её, торопливо дожевывая тост. — Приключения?

— И они тоже! — категорично отрезала подруга, вставая и направляясь к выходу решительным шагом.

Вздохнув, я отодвинула пустую тарелку и отправилась следом за ней.

Мы вышли на подсвеченную вечерними фонарями площадку сквера и одновременно увидели друг друга. Парни

уже стояли у аллеи с шикарными пальмами. Марко, заметив нас, тут же призывно замахал рукой, улыбаясь своей фирменной широкой улыбкой. А мой Аслан, не удержавшись, сразу же пошел навстречу быстрым, решительным шагом.

Наташка, даже не притормозив, уверенно прошла мимо меня, держа четкий курс на Марко и его рельефные бицепсы. А мой горячий турок внезапно остановился не дойдя до меня всего лишь одного-единственного шага — словно наткнулся на невидимую стену. Застыл на месте, тяжело дыша и буквально пожирая меня своими потемневшими глазами, в которых в свете парковых фонарей снова вспыхнули те самые волнующие наэлектризованные искры.

И тут мой вечно бодрствующий мозг клинического психолога внезапно отключился. Видимо, глубинное желание побыть наконец просто женщиной — красивой, желанной, слабой и защищённой — безоговорочно победило всё остальное. Профессиональные радары и защитные барьеры рухнули. Этот последний, разделявший нас шаг я сделала сама, почти уткнувшись носом в его широкую грудь, пахнущую южным ветром и хорошим парфюмом.

А в следующий момент я была сжата в его крепких объятиях. Но сжата с такой невероятной нежностью и осторожностью, словно я была какой-то хрупкой драгоценностью, у меня аж ноги на миг ослабли.

«Да что же такое со мной происходит?» — промелькнула слабая, паническая мысль где-то на периферии сознания и

тут же растаяла.

Впрочем... Какая к чёрту разница. Обняв Аслана за мускулистую талию и чувствуя, как быстро стучит его сердце, я решила просто отключить внутренний контроль и наслаждаться этим моментом на полную мощность.

Марко, с собственническим видом уже держащий под руку Натали, слегка кашлянул, наметив своё присутствие в нашей вселенной. Мы с Асланом нехотя разорвали объятия, возвращаясь в реальность паркового сквера.

— Девушки, сегодня неподалеку открылось новое заведение, прямо под открытым небом! — бодро заговорил качок-переводчик. — Обещают выступление каких-то местных звезд, дэнс-шоу, дискотеку... Вот мы и подумали, не захотите ли вы посмотреть? «Босфор»-то вы уже вчера видели.

Тут Марко запнулся, его взгляд на миг метнулся в сторону, но он быстро взял себя в руки и торопливо продолжил:

— Впрочем, если вы настроены на ужин именно там, то можем пойти и в «Босфор».

Эта мимолетная, едва заметная запинка Марко сработала как щелчок тумблера. Мой отключившийся было мозг психолога мгновенно включился обратно, зафиксировав очередную аномалию. Парень явно нервничал и изо всех сил пытался увести нас подальше от прибрежного ресторана Хакана, маскируя это заботой о нашем досуге. В «Босфоре» явно происходило что-то такое, чего нам с Наташкой видеть не следовало. Или я надумываю?

Я отчетливо уловила в его голосе эти скрытые нотки нерешительности и фальши, уже понимая: соваться в ресторан сейчас не имеет смысла, а вот узнать всю правду про тот самый ночной пожар мне нужно непременно. И сделать это желательно без лишних ушей причастных к этому всему людей — вроде Марко, официантов или тех, кто может подслушивать нас за соседними столиками. Тактика подстройки снова была идеальным решением.

— Знаешь, Марко, а это отличная идея! — я открыто улыбнулась качку, демонстративно расслабляя плечи. — Я с большим удовольствием посмотрю на новое место под открытым небом. А вот что скажет Натали?

Я повернулась к подруге. Наташка, уже поняв, что роскошно покушать сочной баранины в пафосном заведении ей сегодня вряд ли светит, заметно погрустнела. С горестным вздохом обманутого в лучших кулинарных ожиданиях человека она всё же согласно кивнула:

— Ладно уж... В новое, так в новое! Пойдемте плясать на голодный желудок.

Парни заметно приободрились. Марко повёл Наташку чуть впереди, а Аслан снова пристроился вровень со мной, то и дело осторожно касаясь меня, будто случайно, но почему-то так и не решаясь просто взять мою руку в свою. Я же, со своей стороны, брать его за руку посчитала неуместным. Так мы и шли по вечернему городу в сторону нового, многообещающего приключения, во мне снова потихоньку раз-

горался азарт.

Что ж, это заведение впечатляло какой-то своей неприужденностью и атмосферой абсолютной легкости. Оно было расположено прямо на пляже, но чуть выше, впритык к оживленной набережной. Вокруг горели гирлянды разноцветных фонариков, переливалось море неонового света, а из мощных колонок качала ритмичная, заставляющая двигаться музыка. Самое забавное — дорогие бокалы здесь были не в чести: все коктейли и напитки предлагались в пластиковых стаканчиках самого разного объема, цвета и причудливой формы. Настоящий пляжный чил без лишней помпезности и условностей.

Мы дружно прошли к барной стойке, обзавелись ярким пластиком с прохладительными напитками, но до танцпола так и не дошли. Марко, включив режим хозяина вечера, решительно утащил всю нашу компанию в глубь заведения — к зеленым сукнам бильярдных столов. Ему явно не терпелось показать класс и продемонстрировать свою сокрушительную мужскую крутизну.

Наташка тут же протестующе заныла, забавно надув губы: — Ой, Марко, ну я видела это представление еще вчера! Я танцевать хочу, а не на шары смотреть!

В итоге после короткого девичьего бунта мужчины пошли на компромисс. Марко, ухмыляясь, предложил пари: кто выиграет эту партию в американку, тот и диктует правила и программу на весь оставшийся вечер. Сказано — сделано.

Качок снисходительно улыбался, будучи на миллион процентов уверенным, что теперь-то он тут главный, и победа у него в кармане. Он по-хозяйски взял кий и подмигнул Натали.

Аслан принял вызов молча и спокойно. В его взгляде не было страха — только холодная собранность, ни грамма беспокойства и, как мне показалось, обещание наказать соперника за излишнюю самоуверенность.

Лезть к нему сейчас со своими вопросами или пытаться отвлечь телефонным переводчиком было бы верхом глупости. Я прекрасно понимала: прямо сейчас у этого зелёного стола мы будем наблюдать первобытную игру самцов, битву за территорию и авторитет. Внутри проснулся здоровый циничный интерес. Мысленно я даже задалась вопросом: если они подерутся в итоге, то кто победит? Марко с его огромными накачанными мышцами или мой лев, который, судя по всему, какой-то то ли спортсмен, то ли вообще боец не из последних? Картинка ночной эвакуации, когда Аслан хладнокровно пёр напролом сквозь задымленный ад, наглядно доказывала, что за его идеальным прессом скрывается реальная боевая подготовка, а не стероидный глянец.

Я медленно подошла к Аслану, нежно дотронулась рукой до его щеки, ощутив под пальцами жесткую, короткую мужскую небритость, и чуть приподнявшись на цыпочки на одно короткое мгновение прикоснулась к краешку его губ своими губами. Почувствовала, как он буквально замер, превра-

тившись в камень от моего внезапного прикосновения. И, не дожидаясь бурного продолжения, ловко увернувшись от его инстинктивно протянутых ко мне рук, отошла чуть в сторону. Прислонившись к деревянной опоре, я принялась медленно потягивать свой прохладный сок из яркого пластикового стаканчика, наблюдая за шоу со стороны. Наташка, мигом позабыв про своё нытьё о танцах, уже вовсю азартно блеснула глазами, предвкушая зрелище.

Аслан всё ещё смотрел на меня. Его глаза блестели, но, к его чести, попыток подойти и завершить мой еле намеченный поцелуй он не предпринял. Марко вальяжно разбил пирамиду. Шары с глухим стуком разлетелись по сукну, и качок, сделав замысловатый финт корпусом, с лёгкостью загнал первый «своjak» в среднюю лузу. Он обернулся на Наташку, сорвал её восхищённый мини-вздых и снова снисходительно глянул на моего молчаливого турка. Мол, смотри и учись, парень, куда тебе со мной тягаться.

Глава 6

Мой молчаливый турок на эту демонстрацию превосходства даже бровью не повёл. Он спокойно дождался, пока чачок после обидного промаха отойдёт в сторону, мягко взял кий, прицелился... И без единого лишнего движения, с удивительной точностью вколотил сложнейший шар от борта прямо в угол. Чисто, красиво, легко. Улыбка с лица Марко тут же сползла, а я, сделав очередной глоток из пластикового стаканчика, мысленно зафиксировала еще одну победу. Мой внезапный дразнящий поцелуй у всех на глазах был вовсе не глупым порывом влюбленной дурочки. За этим финтом стоял жесткий, прагматичный расчет.

Я преследовала сразу две цели. Во-первых, мне требовалось устроить Аслану жесткий краш-тест на стрессоустойчивость. Способен ли этот парень удерживать фокус и контролировать себя, когда его сознание внезапно бомбардируют мощнейшим эротическим стимулом, или он всё же поплывет и сольет игру? Судя по тому, с какой точностью он только что уложил сложнейший шар, с самообладанием у моего льва всё было в полнейшем порядке.

Во-вторых, я умышленно перевела эту бильярдную возню на совершенно другой уровень. Я дала Аслану легальный допинг, намертво увязав его мужское эго с победой в этой партии. Из забитого восточным подчинением племянника, ко-

торый робеет перед всесильным дядей, он вдруг превратился в хищника, вышедшего на охоту. Я зажгла его, и теперь он играл не из вежливости, а на кураже. И этот его кураж мне безумно нравился, а значит, я всё сделала правильно.

Марко тем временем стоял у бильярдного стола с открытым ртом. На его лице отразилось такое неподдельное, комичное недоумение, что Наташка рядом со мной не удержалась и тихонько прыснула в кулак. Качок обошел зеленый стол по периметру, заглянул в лузу, словно проверяя, не оптический ли это обман, а потом округлил глаза и искренне, громогласно восхитился:

— Да ладно! Брат, ты как это сделал вообще?! Ты откуда такой удар выкопал?

Вся его давешняя снисходительность испарилась без следа, уступив место чистому пацанскому азарту. Марко чуть ли не подпрыгнул на месте, восторженно размахивая кием, и тут же принялся требовать, чтобы Аслан прямо сейчас, не отходя от кассы, научил его этому сумасшедшему приёмчику с траекторией от борта. Причем, сначала он говорил на русском, но потом перешел на турецкий, что звучало довольно забавно, учитывая скорость его речи.

Я краем глаза заметила, как Наташка задумчиво и очень внимательно смотрит на Марко. Внутренний психолог во мне прямо-таки явственно услышал, как подруга мысленно прибавила на своих внутренних костяшках счетов ещё один жирный плюстик в пользу этого перекачанного парня. Плю-

сик за незлобливость, редкое умение достойно проигрывать и легкий, не душный характер. Для Натали, которая каждого кандидата примеряла на роль потенциального супруга, это был стратегически важный показатель. Красивое тело — хорошо, но адекватная психика в быту гораздо важнее. Качок, сам того не зная, только что сдал один из главных экзаменов в её жизни.

Аслан в ответ на бурные восторги друга лишь сдержанно, по-мужски улыбнулся и понимающе кивнул, принимая его искреннее признание. Атмосфера вокруг нашего стола стала совсем расслабленной, неон и цветные гирлянды пляжного бара мигали в такт музыке, и я уже мысленно победно потирала руки, предвкушая, как на правах выигранной партии намекну Аслану, что не прочь чуток прогуляться до моря. Исключительно вдвоем.

Но доиграть им не дали.

В пространство между бильярдными столами бесшумно, словно тень, скользнула давешняя смуглая официантка из «Босфора». Лицо девушки было бледным, под неоновыми лампами блестели капли пота, а пальцы, сжимавшие смартфон, мелко дрожали.

Не произнося ни слова, она с замершим дыханием протянула телефон Марко. Вызов уже был принят. В ту же секунду из динамика, перекрывая ритмичные басы дискотеки, раздался тяжелый и пугающе хриплый гортанный голос Хакана.

Он буквально орал в трубку на турецком, захлебываясь

от ярости. Этот приказной рык заставил Марко мгновенно окаменеть с кием в руках, а Аслана — побледнеть, впившись мертвой хваткой в край зеленого стола.

Марко судорожно сглотнул, бросил кий прямо на сукно и, даже не потрудившись ничего толком объяснить, рывкнул Аслану одну-единственную фразу на турецком. Мой Аполлон среагировал как обученный боец по тревоге — сорвался с места в ту же секунду, успев все же бросить на меня извиняющийся взгляд.

— Девушки, простите, нам надо срочно бежать! — на ходу бросил Марко, а через три секунды их спины растворились в неоновой толпе дискотеки. Официантка испарилась следом за ними. А мы с Наташкой так и остались стоять у бильярдного стола в полнейшем, глубочайшем шоке, сжимая в руках свои пластиковые стаканчики с соком под ритм дип-хауса из огромных колонок. Вечер, мягко говоря, перестал быть томным.

Видя, что подруга расстроена не на шутку, я решила, что время для танцев и веселья сейчас максимально неподходящее — особенно учитывая то, как странно и внезапно нас только что бросили кавалеры. Поэтому я перехватила инициативу и предложила всё же нормально поужинать. Заодно я как бы между прочим заметила, что ещё в Москве одна моя обеспеченная клиентка очень рекомендовала мне посетить здесь одно небольшое и практически незаметное кафе. Оно работало круглосуточно, скрывалось в стороне от шум-

ных туристических троп, и в нём, как гарантировала женщина, владеющая, к слову, какой-то небольшой сетью кафешек, подавали ну просто восхитительную, самую настоящую долму и не менее великолепный кофе.

Заметно приободрившись при слове «долма», Наталья согласно кивнула, стирая недовольную мину с лица. Кулинарная терапия сработала безотказно.

— Ладно, пошли, — буркнула она, поправляя сумочку. — Хоть поедим по-человечески, раз эти двое испарились в тумане.

Кафе и впрямь оказалось на редкость незаметным. Мы умудрились пройти мимо него дважды, нарезая круги по тихому переулку, и лишь с третьего раза наконец поняли, что нам нужно зайти именно в эту неприметную деревянную дверь.

Внутри заведение встретило нас умиротворяющей тишиной — в зале не было ни одного посетителя. Лишь пожилая женщина, судя по всему, сама хозяйка, радушно вышла к нам из кухни. Она тепло улыбнулась и лично приняла наш заказ на долму, пообещав, что сейчас всё сделает в лучшем виде и с пылу с жару.

Мы сели за маленький угловой столик у окна. И, разумеется, едва приземлившись на стул, Натали поспешила во весь голос высказать накопившуюся обиду на Марко и его внезапный, свинский поступок:

— Нет, ну ты видела?! — завелась она, активно жестику-

лируя. — Просто взял и убежал! Никаких объяснений, никакого уважения! Срочно нужно бежать?! Гель, ну что это за отношение такое к женщине? Мы для них что, вообще пустое место? А я ведь только-только начала склоняться к мысли, что он действительно неплох! — горестно вздохнула она, подперев щеку кулаком.

— Дело совершенно не в тебе и не во мне, дорогая, — я мягко, но непреклонно возразила подруге, возвращая её из любовных страданий на землю. — Ты же понимаешь, что Хакан для них — непререкаемый босс. Более того, я тут на досуге погуглила особенности их менталитета, и выяснилось, что в Турции до сих пор невероятно сильны традиции жесткой семейной и клановой иерархии. Если старший мужчина в роду или твой работодатель отдает приказ — младшие беспрекословно бросают всё и бегут выполнять. Там нет места личным планам или свиданиям, ослушаться — значит потерять всё. Так что Марко и Аслан умчались в туман не потому, что мы им безразличны. У них просто не было выбора.

Я сделала небольшую паузу, давая подруге переварить услышанное, и наклонилась чуть ближе через узкий деревянный стол, заглядывая ей в глаза.

— А теперь внимание — главный вопрос этого вечера: так что же такого экстраординарного могло произойти у Хакана, раз он срочно призвал парней, так жестоко обломав им вечер? И ведь наверняка же знал, где они и с кем. Не верю, что они ему не докладываются за каждый свой шаг. Наташ, ты

вчера вечером долго тусила с Марко тет-а-тет. Давай, включай память, вспоминай до мелочей, о чём именно вы говорили? Пожалуй, прежде чем продолжить вот так самозабвенно крутить с ними курортные романы, нам стоит удостовериться, что мы сами не попадём здесь в какой-нибудь опасный переплёт.

Наташка тут же зависла, растеряв всю свою капризную спесь. Мой строгий тон и весомое слово «переплёт» подействовали отрезвляюще. Она наморщила лоб, ковыряя салфетку, пока в её голове наконец не зазвучали нужные шестерёнки воспоминаний.

— Да вроде ничего такого... — неуверенно протянула подруга. — Обычный трёп, ну, всякие там сюси-пуси, комплименты и всё такое.

Наташка замолчала. Она отвела взгляд вверх и влево — туда, куда всегда смотрят люди, когда действительно вспоминают реальные детали из прошлого, а не придумывают их на ходу. И вдруг её глаза округлились, а лицо вытянулось.

— Когда я вчера в бильярдной в шутку сказала Марко, что Хакан, кажись, недетски залип на тебя, Гель... Он так как-то странно усмехнулся. Ответил, чтобы я вообще об этом не беспокоилась. Сказал, что у его босса нет привычки силой заставлять женщин под него ложиться. Они, мол, сами с большим удовольствием прыгают в его постель. Потому что глупые и ведутся на его баснословные деньги, дорогие подарки и статус. Так что это дело сугубо добровольное.

Наташка замолчала, а я мысленно согласилась с этой логикой. Действительно, молодые, небогатые и недалёкие дуручки, приехавшие на побережье за лёгкой и красивой жизнью, наверняка прыгали к нему в постель сами, ослеплённые внешним блеском. Собственно, их тело - их дело, как говорится.

— А вот потом меня и правда царапнуло, — тихо продолжила Наташка, и её голос стал непривычно серьезным. — Потом он вдруг добавил: «А вот Аслан...».

Внутренний психолог во мне мгновенно сделал стойку.

— А когда я спросила его — что Аслан? — продолжала Натали, глядя на меня через стол. — Он вдруг резко замолчал. Будто прикусил язык. А потом попытался перевести всё в шутку, мол: ну что-что? Молодой, красивый... Вот влюбится твоя Гелька в него, и всё.

— Что — всё? — продолжала допытываться я, чувствуя, как внутри натягивается тонкая струна.

— А я не знаю, — смущенно ответила Наташка, пожав плечами. — Тоже ведь тогда сразу переспросила "что - всё?", но он только так могозначительно ухмыльнулся и больше ничего не сказал. А потом вообще тему перевел, спросил, откуда я, чем занимаюсь и надолго ли мы вообще приехали. Про себя, кстати, особо не рассказывал, да. Так, по мелочи. Что работает на босса уже года три, что ему тут нравится жить даже больше, чем в Турции.

Я внутренне подобралась, слушая каждое слово подруги:

— И что ты ему рассказала о себе?

— Ну, правду... — Наташка пожала плечами, искренне не понимая моего внезапного напряжения. — Что мы из Москвы. Приехали вчера только. Что у меня свой магазин детских игрушек, а у тебя — частная практика. И что отдых наш буквально на одну неделю, потому что нам обоим чертовски тяжело выкроить времени побольше. Дальше разговор у нас как-то на другое уже перешел. Вот и всё.

Я медленно опустила взгляд на свою малюсенькую чашечку крепчайшего ароматнейшего кофе, которым угостила нас хозяйка кафе, чувствуя, как по спине пробежал едва заметный холодок. Мозг выдал однозначный вердикт. Вечерний допрос в бильярдной был вовсе не невинным флиртом. Марко технично, по-отработанному считал с Натали все наши базовые маркеры: статус, платежеспособность, и, главное, сроки. Всего одна неделя. Как интересно всё складывается, однако. Аслан ведь задавал мне примерно те же вопросы в переводчике. Ну и что же дальше?

Глава 7

Вибрация телефона бесцеремонно ворвалась в мой и без того не особо спокойный сон. Мне снилось, что я мучительно долго собираю вещи в номере, никак не могу уложить их в чемодан и в итоге с ужасом понимаю, что опоздала на свой самолёт. Типичный подсознательный маркер потери контроля.

Кое-как разлепив веки, я потянулась к тумбочке, взяла в руки телефон и посмотрела на светящийся пуш-уведомлением экран. Это был Аслан. Номер определился сразу, заставив сердце сделать лишний кульбит. Значит, его собственный телефон всё-таки ожил, хотя ещё вчера вечером он писал мне с трубки Марко.

Прогнав фразу через встроенный в мессенджер переводчик, я задумчиво уставилась на строчки:

«Ты спишь?»

И следом тут же прилетело еще одно сообщение. На турецком это было «sanım» — что-то вроде «любимая» или «душа моя».

Я посмотрела на часы в углу экрана. Три часа ночи! Самое глухое, темное время.

Остатки ночного кошмара про чемоданы и самолёт растаяли без следа. Я перевернулась на спину, глядя в белеющий потолок номера, и крепче сжала гаджет в руке. Его контакт

снова в сети. «Не сплю», — быстро набрала я ответ на русском и отправила в темноту.

Статус сообщения мгновенно сменился на «прочитано». Две серые галочки окрасились в синий. Мужчина на том конце провода буквально караулил экран, не выпуская телефон из рук. Следом в окно чата тут же прилетела новая строчка на турецком и перевод:

«Мы можем увидеться сейчас?»

И следом, словно закрепляя этот отчаянный ночной порыв, снова высветилось: «canım».

Сердце забило сильнее, окончательно разгоняя остатки сонного оцепенения. Три часа ночи. Южная тьма за окном. Хм, мой лев явно действует на эмоциях, не желая ждать до утра. А я желаю ли ждать? Кажется, встретиться прямо сейчас - отличная идея...

«Хорошо, где?» — быстро набрала я в ответ, сбрасывая ногами легкое одеяло.

Ответное сообщение прилетело незамедлительно, будто он строчил его на ходу:

«Я в сквере напротив твоей гостиницы. Ты можешь прийти?»

И следом высветилось еще одно короткое слово, на котором встроенный в мессенджер переводчик споткнулся и выдал ломаную кириллицу: «гулюм».

Я на секунду зависла над экраном. «Гулюм»... Хм, роза? Цветочек? Переводчик, как обычно, выдавал разные пере-

воды одного слова. Ну ладно, роза так роза. Всё страннее и страннее.

«Жди, скоро выйду», — набрала я на русском последнее короткое сообщение и отправила в чат.

Статус «прочитано» загорелся мгновенно, и не успела я заблокировать экран, как под моей фразой высветилась реакция — маленькое красное сердечко.

Я отложила мобильник, поднялась с кровати и включила свет. Моя комната располагалась ближе к входной двери, а Наташкина — дальше по коридору, так что плотно прикрытая створка полностью изолировала меня от спящей подружки.

Никакой суеты. Мне действительно хотелось увидеть его прямо сейчас, немедленно, но не для того, чтобы вместе полюбоваться южными звездами. Я зашла в ванную, умылась, почистила зубы и причесалась, оставив волосы распущенными. Затем вернулась в комнату, натянула удобные шорты и лёгкую пляжную тунику. Подхватив со стула маленький рюкзачок, куда тут же полетели кошелёк, телефон и ключ-карта от номера, я бесшумно повернула замок и тихо выскользнула в пустой коридор отеля.

Что ж, к очередным приключениям я готова. Так даже лучше — без лишних свидетелей и чужих глаз вокруг.

— Кто не спрятался, я не виновата, — тихонько прошептала я себе под нос, задержавшись на пороге гостиницы и разглядывая свое отражение в стекле расплзающихся

раздвижных дверей, а затем решительно шагнула в тёплый, влажный воздух южной ночи.

Сквер напротив гостиницы встретил меня тишиной и пустотой. Густая южная зелень отбрасывала на асфальт причудливые тени, а редкие фонари едва пробивали этот полумрак своим тягучим желтоватым светом. Город спал, и только лёгкий ветерок со стороны моря шуршал листьями пальм и магнолий.

Я сделала несколько шагов по безлюдной дорожке, всматриваясь в глубину аллеи и чувствуя себя как-то волнительно и даже чуток страшновато.

У раскидистой пальмы, в густой тени её вееров-листьев я заметила короткий отблеск экрана телефона. Сам Аслан, одетый сегодня в темную футболку и спортивные, в этой темноте был практически невидим. Я решительно направилась прямо в его сторону и была тут же замечена.

Он пошел мне навстречу быстрым, упругим шагом, но в отличие от нашей вечерней встречи больше не останавливался, словно у него окончательно сорвало все тормоза. В мгновение ока оказавшись рядом, он крепко обнял меня, мертвой хваткой прижав к своему горячему телу, и спрятал лицо в моих волосах, шумно вдыхая их запах. А когда я удивленно подняла к нему лицо, пытаясь рассмотреть его глаза в полумраке, он тут же впился в мои губы горячим, требовательным и сумасшедшим поцелуем.

«Ого...» — только и успела подумать я.

А в следующее мгновение мой мозг полностью отключился, снова пойдя на поводу у проснувшихся инстинктов. Все защитные барьеры, домыслы и сомнения выстроенные за прошедший день, рухнули. Я больше не хотела ничего узнавать, устраивать допросы, копаться в чужих тайнах и интересоваться чем-либо еще, кроме одного-единственного — как быстро мы сейчас окажемся в постели. Гормоны и обжигающая южная страсть выжгли всю мою хваленую ментальную аналитику. Я ответила на его поцелуй с той же неистовой, накопившейся за день жаждой, вцепившись пальцами в его плечи под темной футболкой.

Тяжело дыша, он наконец неохотно отстранился и требовательно потянул меня за собой. А я... А я просто послушно пошла следом, полностью растворившись в его воле.

И не прошло пяти минут, как мы снова оказались в том же самом номере того же самого отеля, где еще вчера был пожар. Но в эту минуту мне было абсолютно всё равно на любые логические несостыковки, запах гари, закопчённые стены холла и здравый смысл.

Сегодня ночью всё было совершенно иначе. Между нами бушевала не просто физическая страсть, а какая-то неимоверная, сводящая с ума смесь потрясающей нежности, его властного напора и абсолютного, пугающего единения, словно мы оба пытались компенсировать каждую секунду вчерашнего прерванного полета.

Едва только за окном начало светлеть, окрашивая гори-

зонт в нежно-серые предрассветные тона, я села на постели и потянулась за вещами. На его искренне расстроенное сообщение в переводчике — зачем я ухожу так рано? — было резонно и честно отвечено, что утро вот-вот вступит в свои права, а мне в сложившейся ситуации очень хотелось бы по возможности остаться инкогнито для обитателей этой гостиницы.

Аслан пару секунд задумчиво разглядывал экран, переводя взгляд на меня, а затем понимающе и согласно кивнул. Он жестом попросил у меня «ещё пять минут». Получив моё молчаливое согласие, он тут же мягко увлёк меня обратно и уютно устроил в своих крепких мужских объятиях. За последние полтора часа мы не сомкнули глаз, выжав из этой короткого обрезака ночи абсолютный максимум, и сейчас это мимолётное затишье ощущалось по-особенному остро. Я буквально наслаждалась его теплом и этой удивительной близостью. Мне было хорошо, действительно очень хорошо.

Какое-то время мы просто лежали в этой утренней тишине, слушая дыхание друг друга. А потом Аслан дотянулся до тумбочки, взял свой телефон, открыл приложение переводчика и начал сосредоточенно, быстро туда что-то писать, то и дело хмуря брови, что-то стирая и снова набирая. Буквы складывались причудливо, тут же превращаясь в странные слова, которые менялись буквально на глазах. Сначала "опасно", стёрто, потом "огонь" - стёрто и так раз за разом.

Мне надоело и я перестала читать, просто слушая стук его сердца и впитывая в себя последние минуты нашей близости.

Наконец он закончил, посмотрел на меня, и взгляд его при этом был очень серьезен. Не произнося ни слова, он медленно протянул мне светящийся дисплей.

Я взяла его, опустила глаза и принялась вчитываться в строчки браузерного перевода:

«Пожар в гостинице устроил тот, кого раньше шантажировал Хакан. Это месть. Дядя в панике, у него украли важные документы (компромат?), он ищет вора. Но это не все. Теперь он знает про нас с тобой, про то, что ты была здесь вчера ночью, со мной. Дядя очень зол. В нём говорит ревность. Он хотел тебя себе, а ты выбрала меня. Думаю, он задумал что-то плохое. У него есть какой-то план, связанный с тобой. Стоит ли приходить в "Босфор" снова? Хакан опасный человек».

Текст горел на экране, а я лежала в объятиях Аслана, чувствуя, как внутри все неприятно сжалось от этого внезапного откровения. Мой отключившийся было мозг психолога снова вернулся в строй. Пазл сложился не до конца, но картинка мне уже категорически не нравилась. Мой восточный лев только что пошел против воли своего богатого дядюшки, чтобы предупредить меня, а в голове уязвленного Хакана, оскорбленного тем, что женщина предпочла ему племянника, уже зрел какой-то план, где мне, судя по всему, отводи-

лась не последняя роль. Вот ведь еще не хватало!

Я стёрла текст, предварительно перечитав его снова и набрала свой, повернула экран к Аслану: «Можем ли мы доверять Марко?»

Глянув в экран, мужчина сделал рукой вполне очевидный жест, покачав ладонью вправо и влево.

— Поняла, — кивнула я, — более-менее, но осторожно.

— Осторожно — повторил он за мной на русском, почти правильно и я невольно улыбнулась.

Призвав на помощь всю свою силу воли я всё же отстранилась от Аслана, решительно высвобождаясь из его объятий. На нежности времени больше не было — предрассветные сумерки быстро таяли, превращаясь в полноценное утро. Он смотрел на меня с нескрываемой грустью, но удерживать не стал, соглашаясь с моим решение.

Быстро натянув свои шорты и тунику, я подхватила рюкзачок. Он, совершенно обнаженный и ничуть этого не стесняющийся, уже в дверях бережно взял мою ладонь в свои теплые руки, сжав мои пальцы. Его большой палец начал медленно, гипнотизирующе поглаживать тыльную сторону моей руки, заставляя кожу покрываться мелкими мурашками. Он смотрел на меня так, словно мы прощались навсегда, заглядывая в самую душу, и тихо, едва слышно прошептал на ухо: «Сант...», привлекая к себе и вдыхая запах моих волос.

Эта откровенная тактильная привязка сработала безот-

казно: он буквально впечатывал свое присутствие в мою память, привязывая меня к себе этим прощальным теплом. Мы обменялись короткими взглядами, и я, очередным усилием воли погасив нахлынувшую истому, бесшумно выскользнула в коридор.

Стараясь не шуметь, я спустилась по лестнице на первый этаж. В холле гостиницы по-прежнему витал тот самый едкий, приторный запах гари, но было пусто, за стойкой регистрации никто не сидел. Я аккуратно толкнула тяжелую входную дверь и вышла на улицу.

Свежий, прохладный утренний ветерок остудил мое лицо и я с удовольствием вдохнула запах водорослей и южных цветов. Набережная была безлюдной, море лениво и тихо накатывало на берег. Я направилась в сторону своей гостиницы, но не успела пройти и пары шагов как ощутила буквально затылком то самое, ни с чем не сравнимое, липкое чувство, когда на тебя смотрят в упор, а ты явственно чувствуешь чужой тяжелый взгляд.

За мной кто-то наблюдал. Я не стала оборачиваться, чтобы не выдавать свой страх, но шаг невольно ускорила. Внутреннее напряжение нарастало с каждым метром, пульс стучал в висках, а пустынные утренние улицы курорта теперь казались декорациями к какому-то триллеру. Отпустило меня только тогда, когда я входила в стеклянные двери своей гостиницы. Бросив взгляд на заспанного ночного портье, я кивнула ему и остановилась посреди холла, пытаюсь понять

— что это сейчас было? Я была готова поклясться чем угодно — за мной следили.

Кто это был и какую цель преследовал, оставалось только гадать.

Я тихонько, стараясь не производить лишнего шума, поднялась на свой этаж, открыла дверь номера и бесшумно проскользнула внутрь. Из комнаты Наташки не доносилось ни звука. Моя подруга преспокойно спала, даже не подозревая, какие тучи сгущаются над нашим отпуском.

Я закрыла за собой дверь в свою комнату, прислонилась к ней спиной и устало прикрыла глаза. Сердце постепенно возвращалось к нормальному ритму.

Мы приехали сюда просто отдохнуть, а в итоге умудрились по самые уши вляпаться в какую-то чужую многоходовку. И раз уж ставки в этой игре повышаются, то мне стоит хорошенько подумать, как не подставиться самой, уберечь ничего не подозревающую Наташку и изящно щёлкнуть по носу тех, кто тут посчитал себя самым умным. Мысль о том, чтобы послать всё это подальше и просто валяться на пляже все оставшиеся нам денечки отпуска, как-то в голову не пришла.

Что ж... Сами виноваты. Вызов принят.

Глава 8

Я увидела Наташку в дверях ресторана гостиницы сразу же. Она, лениво позевывая, сонно осматривалась по сторонам, очевидно ища меня глазами среди немногочисленных утренних посетителей. Перед тем как спуститься, я оставила ей сообщение, что буду ждать её здесь, внизу.

В этот самый момент она меня всё же срисовала и натурально застыла в проходе с открытым ртом. Ну да, ей определенно было чему удивляться.

На столе у большого панорамного окна, который я занимала в гордом одиночестве, всюду светился работающий ноутбук, рядом лежал мой открытый объемный блокнот-ежедневник с исписанными страницами, дымилась чашка крепкого кофе, стоял стакан с водой и красовалось большое блюдо с круасанами, до которых я из-за нахлынувших мыслей ещё даже не добралась. На фоне расслабленных курортников в шлёпанцах я сейчас выглядела как суровый топ-менеджер, разворачивающий антикризисный план посреди пляжного чилла.

Дойдя до моего стола, она шумно плюхнулась на свободный стул и сразу перешла в решительное наступление.

— Что происходит, Гелька? — Наташка возмущенно ткнула пальцем в сторону светящегося экрана. — Мы же с тобой договорились еще дома, что здесь не будет никакой

работы ни у тебя, ни у меня! Никаких решений срочных вопросов, сложных клиентов, полная изоляция от психоанализа и абсолютный штиль в делах. Терапия южным солнцем, помнишь?

— Помню, — спокойно ответила я, глядя на неё поверх открытой крышки ноута и делая медленный глоток кофе.

— Тогда какого... — тут она внезапно запнулась, вовремя поймав мой слишком серьезный и холодный взгляд, заметно сбавила тон и растерянно закончила: — ...происходит?!

— Ты права. Именно — что происходит. И даже именно — какого... — задумчиво и очень тихо ответила я ей, закрывая крышку ноутбука. Зал гостиничного ресторана сейчас казался мне слишком прозрачным и слишком многолюдным. — Давай поступим так. Ты сейчас спокойно завтракаешь, мы поднимаемся, переодеваемся и идём на пляж. И вот там, подальше от чужих ушей, я тебе кое-что объясню. Договорились?

— Да уж не дура, поняла, — проворчала она, сразу потеряв весь свой наступательный пыл и пододвигая к себе тарелку с круасанами. — Но сначала поклянись, что ты не сорвалась на работу просто потому, что какой-то твой постоянный и особо нервный клиент окончательно слетел с катушек, и ты снова изображаешь из себя скорую помощь, а меня просто не хочешь бесить. Поклянись, Гель!

Я тихо усмехнулась, оценив её преданность нашему плану на эту курортную неделю, и ответила ей знаменитой цитатой

из Гарри Поттера:

— Клянусь, что замышляю только шалость.

Наташка моментально хихикнула, оценив шутку, и окончательно успокоилась. Напряжение испарилось. Она с аппетитом принялась за еду, а я убрала ноутбук и блокнот в рюкзак, мысленно готовясь к разговору на берегу и протягивая руку за круассаном, пока они еще оставались.

Шум прибоя пытался убаюкать меня, но между нашими шезлонгами, задвинутыми в самую глубь тени от пляжного зонта, воздух буквально искрил от напряжения. Мы устроились подальше от чужих ушей и глаз. Наташа потягивала ледяной безалкогольный мохито из поллитрового пластикового бокала, но лицо было максимально серьезным.

— Значит, loverboy, — задумчиво повторила он, прикусив нижнюю губу и прищурившись.

— Именно — жестко ответила я — классическая тактика психологической манипуляции ради выгоды давно известна в психологии как метод «любовника».

— Гель, ну ты чего? Такой мужик! Он же с самого знакомства буквально дышать на тебя боялся. И ты сама сказала, что эта ночь была просто волшебной! Какая муха тебя укусила с утра пораньше?

— Меня укусил мой профессиональный неокортекс, Натали, — я горько усмехнулась. — Который, признаю, позорно спал две ночи подряд. Но когда буквально через 10 минут после моего возвращения в наш номер мой телефон под-

вергся интенсивной бомбардировке сообщениями от него в стиле «Я никогда не встречал такую, как ты», «Ты — моя судьба / моя королева», «Я чувствую, что мы знакомы всю жизнь» и всё это с приписками, типа — любовь всей моей жизни, роза моей души, моя львица и массой сердечек, соответствующих гифок и поцелуев...

И вдруг стало совершенно очевидно, что происходит. Банальный Love Bombing, чтобы отключить к чертям мое критическое мышление.

Для меня слово «любовь» сработало как триггер. Я села перед зеркалом, посмотрела на свои расширенные зрачки и поняла: стоп. Какая любовь? В смысле - любовь?! Две ночи без общего языка, через экран переводчика в телефоне? Да я же просто словила классический гормональный коктейль!

— В каком смысле? — Наташа отставила бокал.

— В прямом. То, что мы, женщины, называем «ошеломляющей химией», для меня как для психолога — чистая эндокринология. Эти восточные мужчины — гении запуска гормональных триггеров. Во-первых, они быют по нашему тактильному голоду. Большинство женщин из наших широт живут в состоянии хронической депривации прикосновений. В Москве нас никто не гладит по волосам и не целует кончики пальцев просто так. Мой восточный мачо подсознательно выступает как «тактильный терапевт». Избыточная нежность попадает точно в оголенный дефицит, происходит насыщение «кожного голода», и наш глупый мозг ошибочно

принимает это за глубокую духовную связь.

Я загнула один палец и тут же загнула второй:

— Во-вторых, подключается дофамин — гормон новизны и охоты. Южная ночь, секретность, языковой барьер, этот дурацкий переводчик в телефоне — всё это создаёт мощнейший дофаминовый всплеск. А следом идет окситоцин — гормон нежности и привязанности, который запускается его бесконечной тактильностью: этими прикосновениями, объятиями, долгими взглядами глаза в глаза. Окситоцин просто отключает критическое мышление. Моё тело выделило тонну окситоцина, и разум на время уснул. Моя гормональная система сработала как швейцарские часы. Понимаешь? Это не он особенный — это чистая биология.

— Ну хорошо, гормоны, — Наташа нахмурилась. — Но как он угадывал каждое твое желание? Вы же правда были на одной волне!

— Это называется пляжное НЛП: калибровка и подстройка, — отрезала я. — Курортные соблазнитель — прирожденные физиономисты. Они считывают женщину по походке, взгляду, манере держать бокал. Он профессионально зеркалил мои движения, ловил вздохи, вовремя замолкал. Это подстройка, доведенная до автоматизма годами практики на других туристках. Мужчина работает как эхо: он просто отражает то, что женщина хочет увидеть и почувствовать в этот конкретный момент.

Но самое главное, дорогая...

Я заговорила тем самым сухим, структурным голосом, которым обычно веду терапевтические сессии. — Нам нужно очень четко разобрать, на кого мы нарвались. Без иллюзий и розовых соплей.

Факты таковы: нас, скорее всего, ловят на классическую схему развода богатых туристок. Парни — профи. Предполагается шантаж — милый дядя Хакан использует эту схему на постоянной основе, но недавно что-то пошло не так. Кто-то то ли сорвался, то ли решил отомстить. Украдены данные, возможно, это флешка. И на ней — информация о его делишках. Потом — пожар в гостинице. Тот, кто его устроил явно заметал следы. И главное — сегодня рано утром за мной следили. Причем, вели до самой гостиницы.

Наташа побледнела, испуганно оглядываясь на проходящих мимо мужчин :

— Геля, господи... Зачем тебе вообще это надо?! И что ты, скажи на милость, делала сегодня рано утром на улице? — Тут она замолчала, понимающе на меня посмотрела и договорила, — Ладно, это можешь не объяснять, я поняла. Но! Если всё так, давай соберем вещи, вызовем такси до аэропорта и сбежим прямо сейчас!

Я посмотрела на неё и холодно усмехнулась:

— Наташ, если мы сейчас побежим, этот богатый ресторатор решит, что мы можем быть замешаны в схеме с кражей флешки, ведь я была в его гостинице в ночь, когда случился пожар! Но ведь не объяснишь же, что я не при чем... И нас,

возможно, подставят, снимут с рейса, это в лучшем случае. В худшем... Ну, не будем о грустном пока.

Для меня важнее другое... они испортили мне лучший секс за последние два года!

Наташа округлила глаза и даже подалась вперед, едва не пролив мохито:

— В смысле — испортили?! Геля, ты же сама только что признала — у тебя лимбическая система ликовала и неокортекс отключился! Сама же сказала, что это было восхитительно!

— В том-то и дело, Натали! — я сокрушенно покачала головой и со стуком поставила флакон с солнцезащитным кремом на столик. — Секс был идеальным. Тело сработало безупречно, я впервые после развода и той истории, что буквально убивала меня так долго, смогла полностью выключить голову, расслабиться и получить стопроцентный, чистый кайф. Я думала, что лечу свои расшатанные нервы. А теперь выясняется, что пока я проживала свои лучшие ночи, этот красавчик просчитывал комбинации, влюбляя меня в себя и хотел получить что-то материальное, не довольствуясь только моим телом!

Я яростно выдохнула, чувствуя, как под кожей снова закипает адреналин:

— Они отравили мне послевкусие, Наташ. Вместо того чтобы лежать сейчас в шезлонге, вспоминать его руки и ловить приятные мурашки в ожидании следующей ночи, я вы-

нуждена сидеть здесь, как шпион на задании, и вычислять пути отхода. Они превратили мое искреннее удовольствие в дешевую криминальную разводку. И вот за это мой внутренний психолог требует жесткой моральной компенсации.

— И какой у нас план? — прошептала Наташа, поближе придвигая свой шезлонг.

— План на сегодняшний день простой: мы подыграем им. Раз они думают, что полностью контролируют ситуацию, я продолжу изображать расслабленную туристку, влюбленную в свою «постельную грелку». Но долой пофигизм и кайф. Будем ловить каждое слово Аслана и Марко, аккуратно сравнивать их ответы и смотреть, как они начинают путаться и паниковать под моими мягкими, «наивными» вопросами. Пока они думают, что мы на крючке. Через них нужно аккуратно прощупать, кто и когда стащил флешку и почему поджег гостиницу. Возможно, этот человек еще здесь. Еще посмотрим, кто кого в итоге поймает!

Я зло и цинично прищурилась, а Натали, прекрасно знающая этот мой фирменный взгляд, тяжело вздохнула, понимая — я не отступлю и поэтому лишь согласно кивнула и сказала с каким-то злым восхищением — Вот не можешь ты без проблем, да? Обязательно что-то, но пойдет не так!

Глава 9

Потрясающие виды! Райская бухта! Прекрасный сосновый бор с целительным воздухом! Дикий пляж, где вы забудете обо всем! — хрипел мегафон в руках до черноты загорелого зазывалы, неторопливо бредшего вдоль кромки пляжа.

Слово «забудете» ударило меня по натянутым нервам, как смычок по струне. Я резко села на шезлонге, сбрасывая оцепенение. Внутри всё горело от злости и ментальной усталости. Мысли об Аслане, который сейчас наверняка строчил очередное любовное признание в переводчике и о его грозном дяде Хакане, который зачем-то построил на меня какие-то непонятные планы, не давали дышать. Мне нужно было исчезнуть. Срочно. Прямо сейчас.

— Наташ, подъем. Мы едем, — я уже натягивала шорты.

— Куда? — Наташа испуганно захлопала ресницами. — Геля, ты с ума сошла? Какая экскурсия, мы же только что план внедрения и слежки обсуждали!

— Вот это и есть план, — отрезала я, на ходу доставая из рюкзака кошелек и маша рукой зазывале. — Мне нужно сменить декорации. Иначе я сойду с ума прямо на этом шезлонге.

Через полчаса мы уже сидели на носу старого катера. Обещанное зазывалой «уединение» оказалось стандартным ту-

ристическим балаганом: катер был забит шумными туристами, ноющими детьми и пах жареной рыбой. Но, странное дело, этот чужой хаос подействовал на меня как транквилизатор. Рев мотора глушил любые мысли, а соленые брызги, летевшие в лицо, окончательно смывали с кожи остатки окситоцинового плена Аслана. Я наконец-то физически была далеко от этого всего.

Когда катер зашел в глухую, отрезанную от мира высокими черными скалами бухту, я поняла, что это лучшее решение в жизни. Мы сразу ушли в самый дальний угол пляжа, к нагромождению больших валунов, где нас не мог услышать никто.

Я опустилась на горячий песок, обняла колени и впервые за сегодня облегченно выдохнула.

— Ну и ну, — Наташа села рядом, расчесывая свои влажные кудри. — Удивительная в твоем случае спонтанность. Я думала, ты начнешь составлять в своем любимом блокноте схемы защиты от любых чужих вторжений и поползновений.

— Схемы подождут, Натали, — я посмотрела на бескрайний синий горизонт сквозь темные стекла очков. — Мне нужно вернуть себе себя. Наша психика устроена так, что поллевкусие важнее самого процесса. Я все утро препарировала собственную гормональную систему и вычисляла, в какой момент меня начали использовать втемную. Это злит меня как женщину. И чертовски уязвляет как профессионала.

Я зачерпнула горсть песка и сжала кулак, чувствуя, как он

высыпается сквозь пальцы:

— Но здесь чужая магия не работает. Хакан силен в своем отеле и ресторане, где у него все схвачено. Аслан силен в темноте южной ночи, когда у меня отключается мозг. А здесь — только море, я и ты.

Наташа осторожно коснулась моего плеча:

— Гель... ты как? Бледная какая-то.

Я не ответила. Я смотрела на ослепительно синий горизонт, но перед глазами была серая пелена.

Когда на тебя выливают ушат ледяной воды, ты не плачешь. У тебя просто перехватывает дыхание. В первые секунды шока психика включает аварийный режим — глухую, ватную анестезию. Я физически чувствовала, как внутри меня одна за другой захлопываются двери, отсекая эмоции, чтобы мозг не выгорел от перегрузки.

Но страшнее всего был внутренний раскол. Разум отчаянно пытался найти Аслану оправдание, зацепиться хоть за какую-то иллюзию, способную склеить разбитую реальность. Внутри меня шуршал тихий, упрямый голосок: «Нет, стоп. Ну какой он манипулятор? Какая методичка?»

И этот голосок подбрасывал вполне логичные аргументы. Аслан ведь не говорил ни по-русски, ни по-английски. Вообще. Он не был одним из тех лощенных отельных аниматоров или пляжных зазывал, которые из сезона в сезон практикуются на одиноких туристках, оттачивая дежурные комплименты на пяти языках. Те работают как конвейер — бой-

ко, шаблонно, уверенно. Аслан же общался со мной через этот дурацкий, спотыкающийся экран переводчика. В его действиях не было этой глянцевої курортной легкости. Как человек, который с трудом связывает два слова на моем языке может разыгрывать столь сложную психологическую партию? Как он мог так тонко калибровать мои эмоции, если между нами стоял бесконечный языковой барьер?

Эта мысль парализовала. Я зависла между двумя полярными выводами, и этот когнитивный диссонанс причинял почти физическую боль. С одной стороны — факты утреннего разбора, его странное поведение, тень его дяди Хакана и слежка. С другой — его искренние, растерянные глаза, когда переводчик в очередной раз выдавал какую-нибудь чушь, и то, как бережно он сжимал мою ладонь.

Самое страшное для психолога — это оказаться сапожником без сапог. На сессиях я много раз выводила клиенток из состояния ступора, помогая им отделить факты от эмоций. Но сейчас, когда этот капкан захлопнулся на мне самой, все мои дипломы превратились в кучу бесполезного картона. Знания не спасали от боли и этих чертовых сомнений. Прямо как тогда, когда я вылезала из ловушки собственного брака. Они лишь делали трещину в моей голове еще глубже.

Я судорожно вздохнула, чувствуя, как легкие расправляются с трудом, словно на груди лежит тяжелая каменная плита. Ватная анестезия начала отходить. Сомнения никуда не делись, но сквозь них начала прорасти четкая, холодная

ясность.

— Наташ, — я наконец повернулась к подруге, и мой голос прозвучал на удивление тихо и ровно, хотя внутри все клокотало. — Я сейчас прохожу через классический психологический нокаут. Мой мозг пытается защитить Аслана, потому что он никак не вяжется с образом типичного альфонса. Он не говорит на нашем языке, он другой. И именно это делает ситуацию в сто раз опаснее. Если он не обычный пляжный игрок, значит, то, во что нас пытаются втянуть, куда масштабнее и серьезнее. Но знаешь что? Я обязательно во всем разберусь.

— Хватит этих мыслей, прошу тебя! Ты же сама хотела сбежать от всего... Может, пошли искупаемся? — попыталась отвлечь меня подруга, заглядывая мне в глаза. — Тут потрясающе красиво. Сделаем несколько фоток, а? Ведь нам даже выложить нечего! Третий день на курорте и ни одной фотки, это же зашквар. Ну Гель... — заныла она, потянув меня за руку.

Я посмотрела на её умоляющее лицо, потом на бирюзовую, прозрачную воду бухты, в которой уже беззаботно плескались туристы с нашего катера. Наташа была права. Нам нужно стать обычными, предсказуемыми инста-девочками, у которых в головах только правильный ракурс и красивый загар.

Я глубоко вздохнула, загоняя тлеющую внутри бурю поглубже в подсознание. Поднялась, стряхнула с плавков налип-

ший песок, взяла смартфон и скомандовала:

— Время принимать сексуальные позы!

Наташа мгновенно просияла, сбросила шлепки и побежала к кромке воды, на ходу поправляя волосы.

Включать режим «счастливой отпускницы», когда внутри разлад — это отдельный вид актерского мазохизма. Но я справилась. Я ловила Наташу в объектив, командовала: «Прогни спину! Посмотри через плечо! Сделай загадочное лицо!»

Когда пришла моя очередь позировать, я зашла в воду по пояс. Освежающая прохлада моря притупила внутреннюю боль. Я выгнула спину, подставила лицо солнцу и улыбнулась в камеру той самой легкой, манящей улыбкой, от которой Аслан терял голову.

«Снимай, Натали, снимай, — думала я, удерживая позу. — Пусть все видят, какая я расслабленная и влюбленная дуручка. Вечером я выложу эту фотку в сториз, и Аслан обязательно поставит лайк.

При одной мысли об Аслане внутри что-то противно заныло. Гормональный отлив — штука мерзкая: еще вчера тело плавилось от восторга, а сегодня его образ вызывал лишь тупую боль и злость. Фальшивая улыбка застыла на моем лице восковой маской. Экран смартфона в руке показался невыносимо тяжелым.

Я махнула Натали рукой и вышла на берег.

Наташка удивленно выбралась следом, отжимая мокрые

волосы, и спросила:

— Теперь купаться, да?

— Ты купайся, — со всей возможной безмятежностью в голосе сказала я, хотя связки свело спазмом. — А меня ма-
нят вон те шикарные сосны, пойду прогуляюсь, ладно?

— Ладно, но недолго и чтобы я тебя видела. А то потеря-
ешься, придется потом всей толпой тебя искать, — пошути-
ла она, уже разворачиваясь обратно к бирюзовой воде.

Я натянуто улыбнулась ей в спину, вытираясь и обувая
босоножки, а потом, как была, в одном купальнике, зашагала
прочь от кромки прибоя.

С каждым шагом по разноцветной гальке, уходящей
вверх, к раскаленным скалам и тенистым кронам, крики ту-
ристов и музыка с катера становились глуше. Наконец-то.
Хвойный, густой запах сосен заполнил всё вокруг, смешива-
ясь с ароматом нагретой сухой земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.